

Ртутная для дракона

Саша Бездушная

Саша Бездушная

Ртутная для дракона

<https://litres.ru/74308937>

Аннотация

Продолжение цикла "Драконы в межмирье" 1 книга "Золотая для дракона"

3 книга :

Лайра Вокс пришла в Межмировой патруль работать. Расследовать. Ловить преступников. Но у драконов, как выяснилось, свои планы на её личную жизнь. Один случайный визит аметистового лорда в её кабинет, одно неосторожное касание — и на запястье вспыхивает метка истинности. Вечная. Нерушимая. Абсолютно непрощенная.

Рейнхарт — аналитик с двухсотлетним стажем, дипломат и обладатель отличного гардероба. Он привык, что мир прогибается под него. Но не Лайра. Она скорее разберёт его на запчасти, чем позволит собой командовать. Интересно, из чего состоят драконы?

Он зовёт её «истинной», она его — «чешуйчатым». Он пытается быть галантным, она — швыряется гаечными ключами. Идеальная пара. Лайра — последняя из вымершего рода. Ключ. Оружие. И, кажется, единственная, кто способен спасти все миры. Добро пожаловать в историю, где истинная любовь начинается с фразы «Убери от меня свои руки, или я тебе челюсть сломаю».

Обязательно смотрим видеоклип про них по ссылке в буктрейлере или через группу vk в разделе "обо мне". Они такие вкусные получились. Просто бомба. Я довольна до соплей.

Содержание

Глава 1. Синеволосая аномалия	5
Глава 2. Проверка на верность	24
Глава 3. Трещины в броне	51
Визуалы. Лайра	68
Визуалы. Рейнхарт	69
Глава 4. Хроники Нижнего Сектора	70
Визуалы. Сопоставление героев	95
Глава 5. Пламя под кожей	96
Глава 6. Бункер	111
Глава 7. Архив и пламя	127
Глава 8. Клятва перед Советом	146
Глава 9. Жидкое серебро (начало)	167
Глава 9. Жидкое серебро (окончание)	172
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Глава 1. Синеволосая аномалия

Глава 1. Синеволосая аномалия

Рейнхарт

Знаете, что самое утомительное в даре чують магию? Не то, что мир полон вони. Совсем наоборот. Мир полон ароматов, и большинство из них — отвратительно скучны. За три сотни лет я изучил их все. Магия Нефритовых пахнет мокрым мхом и терпением. Магия Рубиновых — горячим песком и амбициями. Сапфировые, наш доблестный Верховный род, источают аромат металла и холодной, как горный снег, справедливости, от которой сводит скулы. Моя собственная, аметистовая, магия пахнет для меня лавандой, старыми книгами и... одиночеством. Хотя последнее — скорее не запах, а привкус на языке. Привкус пыли в библиотеке, куда никто не заходит.

Но сегодня запах в Межмировом Офисе был другим. Он был... сломанным.

Я шёл по коридору одиннадцатого этажа, и отчёт о беспорядках в Нижних кварталах, зажатый под мышкой, казался мне самым важным делом во вселенной. После всей истории

с Адэль и Кайданом, после восстановления Золотого рода и суда над Ониксовыми, я надеялся на затишье. На рутину. Бюрократия, знаете ли, успокаивает. Но запах, сочившийся из-за двери с табличкой «Ст. опер. А. Райт», не имел ничего общего с рутинной. Он пах грозой. Точнее, тем моментом перед грозой, когда воздух электризуется до такой степени, что волосы на руках встают дыбом. Пах горячим металлом, озоном и... да, магией. Но не той магией, к которой я привык. Эта магия была не цельной, а словно раздробленной, пропущенной через шестерёнки какого-то невообразимого механизма. Она была неорганической и живой одновременно, и мой внутренний дракон, дремавший последние полвека, проснулся и с недоумением принялся.

Я толкнул дверь.

За столом Адэль, водрузив на него ноги в тяжёлых ботинках на магнитной подошве, сидела катастрофа. Иначе это описать было невозможно.

Первое, что бросалось в глаза — её волосы. Короткие, взъерошенные, неестественно-синие, с выгоревшими добела кончиками, словно она только что высунула голову из плазменной турбины. Второе — её глаза. Вернее, глаз. Левый был карий, с вызывающими золотыми крапинками, смотревший на мир с усталым превосходством. Правый заменял кибер-

нетический имплант, фиолетовое свечение которого пульсировало в такт её сердцебиению. Вдоль правой скулы, от виска к уголку губ, спускалась тончайшая металлическая вязь, напоминавшая голую ветвь дерева зимой или, скорее, печатную плату, вплавленную прямо в кожу. На ней была кожаная куртка, усеянная нашивками миров, о которых я едва слышал: череп с крыльями, молния в круге, шестерёнка и скрещённые гаечные ключи.

В руках она держала какой-то прибор, напоминавший помесь пистолета и осциллографа, и с выражением крайней личной неприязни трясла им, изрыгая проклятия на смеси четырех разных языков, один из которых был, кажется, бинарным кодом.

— Чёртова хреновина, — процедила она, и её голос был под стать внешности: низкий, с хрипотцой, пропитанный сарказмом и выхлопными газами. — Если ты сейчас не вступишься, я разберу тебя на запчасти и продам старьёвщику на органы.

Я кашлянул.

Она подняла голову, и мир сузился до этого момента. Фиолетовый луч из её импланта скользнул по моему лицу, и я кожей почувствовал его прикосновение — холодное, скани-

рующее. А потом её запах, тот самый, сломанный и электрический, ударил мне в ноздри с новой силой. Под слоем горячего металла и озона таился другой аромат. Древний. Магический. Драконий. Не чистокровный, нет. Приглушённый, разбавленный, словно дорогой коньяк, смешанный с дешёвым энергетиком. Но он был там. Определённо. Спящий, задушенный, но живой.

— Чего уставился? — спросила она, не вынимая ноги со стола. — Призрака увидел?

— Прошу прощения, — вежливо начал я, входя в кабинет. — Я искал Адэль. Видимо, перепутал кабинеты.

— Не перепутал. Это теперь мой кабинет. — Она кивнула на табличку с именем Адэль, которую ещё не сняли. — Адэль в декрете. Я её замена. Временная. Надеюсь.

Она снова встряхнула прибор, и тот наконец ожил, загудев ровным фиолетовым светом. Она удовлетворённо хмыкнула и положила его на стол, на завалы голографических схем и пустых стаканчиков из-под кофе. Рабочее место Адэль всегда было организованным бардаком, но это... это было царство хаоса совершенно иного порядка. Техномагический хаос.

— Лорд Рейнхарт Аметистовый, — представился я, протягивая руку. — Представитель драконьего мира в Межми-

ровом совете. Консультант по особо опасным делам.

— Знаю, кто ты. — Она не пожала руку. Вместо этого она смерила меня оценивающим взглядом, и этот взгляд прошёлся по мне, как луч сканера. Я буквально чувствовал, как её имплант считывает мои биометрические данные: пульс, температуру тела, электрическую активность мозга. — Ты тот самый нюхач, который вычислил Золотую принцессу. Адэль о тебе рассказывала.

— Надеюсь, в положительном ключе.

— Она сказала, что ты хорошо чуешь ложь и плохо выбираешь вино. — Она, наконец, убрала ноги со стола и встала. Ростом она оказалась мне до подбородка. Изящная, но в её движениях чувствовалась скрытая мощь, как у сжатой пружины или у абордажного дрона в режиме ожидания. — А ещё что ты можешь вывести из себя даже каменную статую.

— Вино у Сапфировых было отвратительное, это не моя вина, — парировал я, чувствуя, как уголки губ сами собой ползут вверх. — А вывести, ну — это врождённое. У нас, Аметистовых, в роду все анализаторы. Это профессиональная деформация.

— Значит, диагноз подтверждён, — резюмировала она, и в её голосе послышалось что-то похожее на усталую обречённость. — Ещё один аристократ с синдромом всезнайки. Прекрасно. Просто прекрасно. Мне только такого счастья не хватало.

— Как тебя зовут? — спросил я, стараясь, чтобы голос

звучал ровно. Мой внутренний дракон уже не просто при-
нюхивался. Он встал на задние лапы и требовал объяснений.

— Лайра. Лайра Вокс. Старший оперативник второго
класса. Техномаг из Арканис-Прайм. Специализация — ме-
жмировая контрабанда и незаконные модификации созна-
ния. В послужном списке — сорок два раскрытых дела, три
ранения, одна контузия. Вредных привычек — две. Кофе и
сарказм. Что-то ещё?

— Лайра, — повторил я, пробуя имя на вкус. Оно было
колючим, как кусок тёмного металла, но при этом странно
мелодичным. — Ты не чувствуешь ничего... необычного?

— Необычного? — она приподняла бровь, и её киберне-
тический глаз сверкнул ироничной вспышкой. — Кроме то-
го, что какой-то аметистовый лорд допрашивает меня в мо-
ём собственном кабинете с таким видом, будто я у него что-
то украла? Нет, ничего. Абсолютно ничего. Всё в пределах
штатных отклонений.

Я втянул воздух. Медленно. Глубоко. Положившись на
свой дар полностью, так, как не делал уже много лет.

Мир взорвался запахами.

Верхний слой: горячий металл, машинное масло, электри-
чество, калёная сталь. Это была её броня. Её техномагия. За-
пах мира, где магию не плетут из эфира, а собирают по схе-

мам, как сложнейший механизм. Запах Арканис-Прайм.

Средний слой: адреналин, кофеин, лёгкая нотка раздражения, глубокая, застарелая усталость. Это была её личность. Защитный механизм, острый, как лезвие. Сарказм, за которым она прятала что-то ещё. Что-то, что болело.

И нижний слой, который она так тщательно глушила своими имплантами и своей грубостью: древняя, холодная, текучая магия. Запах ртути. Запах луны, отражённой в маслянистой воде. Запах силы, которая не горит и не гремит, а струится, принимая любую форму и просачиваясь сквозь любые преграды. Запах дракона, который даже не подозревает о своей истинной природе.

— Ты дракон, — выдохнул я.

Она моргнула. Потом расхохоталась. Смех был резким, как лай сигнализации, и совершенно не вязался с ситуацией.

— Дракон? Я? — она хлопнула себя по колену, и я услышал, как внутри её тела что-то тихо лязгнуло. — Слушай, нюхач, у тебя датчики сбились. Калибровку давно делал? Я из Арканиса. У нас нет драконов. Никогда не было. У нас есть техномаги, киборги и парочка безумных учёных, которые пытаются скрестить голема с кофеваркой. Драконов нет.

Это научный факт, подтверждённый генетическими анализами семнадцати поколений моей семьи. Я бы знала.

— Твоя магическая аура говорит об обратном. — Я шагнул ближе. Она не отступила. Это было... приятно. Обычно люди и нелюди шарахались от меня, когда я включал свою способность на полную. А она стояла, как вкопанная, и смотрела на меня с вызовом. — Я чувю расу. Это моя способность. Она безошибочна. За триста лет — ни одной ошибки. В тебе течёт драконья кровь. Не чистая, разбавленная поколениями людей или кем-то ещё, но достаточно сильная, чтобы пробудиться.

— Чтобы что? — она скрестила руки на груди, защищаясь. Я заметил, как на её правом предплечье, под закатанным рукавом куртки, темнеет сложная татуировка: дракон, собранный из шестерёнок и проводов. Механический. Символический. Ирония судьбы.

— Чтобы быть моей, — просто сказал я, потому что ложь в этот момент была бы бессмысленна. Мой дар не позволял мне лгать самому себе.

Она уставилась на меня. Её кибернетический глаз вспыхнул ярче, сканируя. Биометрия, тепловизор, детектор лжи в одном флаконе. Я знал, что она видит перед собой мужчину в дорогом камзоле, с ухоженным лицом и ироничным взглядом. «Проклятого аристократа», как сказала бы Адэль. И я знал, что её глаз сообщает ей, что я не вру. Мои пульс, тем-

пература и электрическая активность мозга были равными. Слишком равными для человека. Но я не был человеком.

— Это какой-то бред, — тихо сказала она. Голос прозвучал глухо. — Я прошла полное медицинское обследование. Меня собирали по винтикам после той истории с контрабандой на Веге-7. Никакой магии. Никакой драконьей крови. Я — чистый человек с модификациями. Твои датчики врут.

— Мои датчики никогда не врут, — повторил я, делая ещё один шаг. Теперь нас разделяло не больше полуметра. Я чувствовал жар, исходящий от её тела — смесь человеческого тепла и машинного нагрева имплантов. — А медицинские обследования не видят того, что спит слишком глубоко. Твоя дракониха заблокирована. Как у Адэль.

Я сделал то, чего не планировал. То, что противоречило всем векам моего опыта и моей обычной осторожности. Я протянул руку и мягко, едва ощутимо коснулся её запястья. Там, где кожа была открыта, между краем куртки и перчаткой с обрезанными пальцами. Там, где бился её пульс — быстрый, сильный, живой.

Вспышка. Не свет — это было слишком банально. Это был удар по всем органам чувств одновременно. Моим и, я знал, её тоже. Аметистовый, глубокий фиолетовый, и серебристый, текучий, ртутный свет сплелись в ослепительный

узор, который врезался в кожу, как раскалённое клеймо. Я почувствовал, как змея древней магии впивается в моё запястье, обвивает предплечье и замирает, пульсируя в такт моему сердцу. Метка. Метка истинности. Та самая, которую я высмеял бы ещё минуту назад. Та самая, которую я наблюдал у Кайдана и Адэль с чувством лёгкого, снисходительного превосходства. И одновременно я услышал его. Своего дракона. Он не зарычал, как, наверное, рычал дракон Кайдана. Он издал долгий, низкий, вибрирующий стон облегчения. Будто ему наконец-то дали воды после столетий мучительной жажды.

Моя. Моя истинная. Нашёл.

Лайра одёрнула руку, как от огня. Её зрачки — и настоящий, карий с золотыми крапинками, и кибернетический, фиолетовый — расширились до предела. Она уставилась на своё запястье, где под кожей, словно проявляясь из ниоткуда, формировался серебристо-фиолетовый узор. Он переливался, тек, как жидкий металл, и пульсировал в такт её сердцебиению. Это была не просто татуировка. Это была живая, дышащая магия, вплавленная в самую её суть. Имплант на её скуле мигнул тревожным красным — её системы пытались проанализировать феномен и не могли.

— Что. Это. Такое? — произнесла она ледяным, смер-

тельно спокойным тоном, который не предвещал ничего хорошего. Я слышал этот тон раньше у Адэль. Так говорят оперативники за секунду до того, как открыть огонь на поражение.

— Метка истинности, — произнёс я, и мой голос прозвучал хрипло, словно я не говорил триста лет. — Ты моя истинная пара.

— Чего?! — она сорвалась. Весь её сарказм, всё её спокойствие техномага сгорели в один миг, и на меня плеснуло волной чистой, незамутнённой ярости. — Какая ещё, к чёртовой матери, истинная пара?!

— Поздравляю, — я развёл руками, пытаюсь вернуть себе привычную маску иронии, хотя внутри всё дрожало и переворачивалось. Дракон ликовал, а человек был в панике. Весьма необычное сочетание. — Ты только что получила пожизненную магическую связь с аметистовым драконом. Бонусом идёт родовой замок в Аметистовых горах, куча фамильных сокровищ, место в Совете Двенадцати и невероятно красивый мужчина с отличным чувством юмора.

— Ты в своём уме?! — она вскочила, обошла стол и встала передо мной, тыча пальцем в мою грудь. Палец был тонкий, с металлическим наконечником на ногте — какой-то диагностический щуп, — но тычок был жёсткий. — Я пришла сюда работать! Расследовать дела! А не замуж! Свадебный переполох у меня не по плану! Я не дракон! Я не твоя пара! Я, чёрт возьми, техномаг! Я микросхемы перебираю,

а не заклинания плету! Убери это! Сними! Откати, как системный сбой!

— Не могу, — честно ответил я. — Метка неразрывна. Это тебе не контракт на поставку оборудования, который можно расторгнуть за неустойку. Это магия крови. Древнейшая. Она связывает души.

— Метка? — она потрясла запястьем, на котором узор сиял всё ярче, и я увидел, как её пальцы мелко дрожат. — Эта светящаяся фигня? Это какая-то магическая атака? Ты что, меня заколдовал?! Вы, драконы, все такие — чуть что не по-вашему, сразу хватаете и поработщаете! Я читала отчёты Адэль!

— Если бы я умел колдовать истинные пары, — медленно, с расстановкой произнёс я, чувствуя, как во мне самом закипает раздражение, — я бы сделал это триста лет назад с кем-нибудь... попокладистее. И кто бы говорил о поработчении? Это ты ворвалась в мой мир и заняла чужой кабинет, а не я в твой.

Она фыркнула, как рассерженная кошка. Вернее, как пантера, которой прищемили хвост. Потом вдруг замолчала, пристально вглядываясь в моё лицо. Её сканеры, очевидно, продолжали работать, анализируя каждое моё микровыражение, каждое изменение температуры кожи, каждый электрический импульс в нейронах. Я знал, что она видит: никаких признаков лжи. Никаких признаков агрессии. Только

растерянность. И правду.

— Ты серьёзно, да? — тихо спросила она. — Это не шутка. Не проверка. Не попытка меня завербовать в какой-нибудь драконий культ.

— Абсолютно серьёзно. И никакого культа у нас нет. По крайней мере, официального.

— И что это значит? — в её голосе послышалась усталость, та самая, которую я почуял под слоем адреналина. — Что теперь — мы обязаны пожениться? Быть вместе? Нарожать кучу маленьких нюхачей с фиолетовыми глазами? Потому что я, знаешь ли, не планировала становиться чьей-то самкой. У меня карьера. У меня незаконченные дела. У меня, чёрт возьми, кот остался в Арканисе!

— Кот? — переспросил я, уцепившись за эту абсурдную деталь.

— Биомеханический. Очень редкая порода. Жрёт только синтетический корм, — отрезала она. — Не меняй тему! Я не собираюсь быть твоей парой!

— Ну, для начала, — сказал я, делая шаг навстречу и сокращая дистанцию до минимума, — было бы неплохо просто поужинать. Я знаю одно место в Сапфировом Квартале, где подают отличное вино. Не то пойло, которое пьёт Кайдан, а настоящее, из Рубиновых погребов. Там тихо, темно, и можно спокойно поговорить, не привлекая внимания Совета. А потом, если захочешь, я помогу тебе разобраться с твоими

незаконченными делами. И с котом.

Она засмеялась. Не наигранно — искренне, с нотками истерики. Этот смех резонировал с моей меткой, отдаваясь дрожью где-то в груди. Моя дракониха — точнее, мой дракон — мурлыкал от удовольствия, слыша этот звук.

— Ты понимаешь, что это безумие? Мы знакомы пять минут. Пять минут, Рейнхарт! За это время даже кофе-машина не успевает распознать мой генетический код, а ты мне предлагаешь поужинать и стать твоей парой навечно?

— Адэль и Кайдан познакомились, когда она выпала из портала, сбила его невесту и проломила потолок храма, — терпеливо объяснил я. — У нас, драконов, знакомства вообще проходят... бурно. Могу с гордостью сказать, что наше — одно из самых спокойных за последнюю тысячу лет. Никто никого не сбил, потолок цел, только один нервный срыв у тебя и одна сломанная парадигма у меня.

— Ты сумасшедший, — повторила она, но в её голосе уже не было прежней злости. Скорее, обречённость. И, возможно, капля любопытства. — Клинический случай.

— Возможно, — согласился я. — Но мой дар никогда не врёт. И метка никогда не ошибается. Ты — дракон. Прими это как факт. А когда примешь, мы сможем поговорить и о более... практических вещах. Например, о том, кто и зачем заблокировал твою дракониху. И почему твой запах кажется

мне сломанным.

— Мой запах? — она нахмурилась. — Что значит «сло-манный»?

— Это значит, что твоя магия была искусственно подавлена, — объяснил я. — Кем-то, кто очень хорошо знал, что делает. Возможно, в детстве. Возможно, даже до рождения. Это не просто заклятие забвения, как у Адэль. Это что-то другое.

Она открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из глубин её многострадального прибора, лежавшего на столе, раздался пронзительный писк. Устройство ожило окончательно и теперь транслировало на голографический экран поток данных.

— Чёрт, — выругалась Лайра, отворачиваясь от меня. Её лицо мгновенно изменилось. Исчезла растерянная женщина, только что узнавшая о своей драконьей сущности. Появился сосредоточенный опер. — Вот дерьмо.

— Что такое?

Она ткнула пальцем в экран, разворачивая несколько окон. Побежали строчки кода, какие-то схемы, карта города с отмеченными точками.

— Это не просто сбой, — пробормотала она, скорее се-

бе, чем мне. — Три ограбления за последние два дня. Банк магических артефактов в Рубиновом квартале. Лаборатория Нейфритовых в Верхнем Городе. И архив Ониксовых, который опечатан после суда над Обсидианом. Всё это связано.

Я подошёл ближе и склонился над голограммой. Мои глаза скользили по данным, но по-настоящему я включил свой дар. От голографических окон шёл слабый, едва уловимый запах. Не магии — информации. Но я чуял и его. Запах хаоса.

— Что ищут преступники? — спросил я. — Золото? Артефакты? Секретные протоколы?

— Информацию, — сказала Лайра. — Они скачивают данные. Очень специфические. Данные о магических аномалиях, о нестабильных порталах, о генетических исследованиях драконьей крови. И ещё — об одном артефакте.

— О каком?

— О «Потерянном Коде», — прочитала она с экрана. — Никогда о таком не слышала. Звучит как название дешёвого техно-триллера.

У меня внутри что-то холодно сжалось.

— «Потерянный Код», — медленно повторил я. — Это не просто артефакт. Это легенда. Древняя. Ещё старше, чем

история о Золотых и Теневых. Говорят, что это был ключ, способный стереть грань между магией и технологией. Создать абсолютное оружие. Или абсолютное созидание. Никто не знает точно, потому что все, кто пытался его найти, либо погибали, либо сходили с ума.

— Зашибись, — прокомментировала Лайра. — Значит, у нас не просто истинная пара, а ещё и древний артефакт, за которым кто-то охотится. День определённо удался.

— У нас? — переспросил я, не в силах сдержать улыбку.

— Оговорочка по Фрейду, — отрезала она. — Ничего личного.

— Личное — это как раз метка на твоём запястье, — заметил я. — Но ты права. Если кто-то ищет «Потерянный Код», это плохо. Очень плохо. И это не просто ограбления. Это спланированная операция.

— Вот именно, — Лайра развернула ещё одно окно. — И знаешь, что самое странное? Почерк.

— Почерк?

— Способ взлома. Кто-то использовал технологию глушения магии, которую я разработала три года назад в Арканисе. Секретную технологию. Её не должно быть в других мирах.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что за этим стоит кто-то из моих знакомых, — её голос стал жёстким. — Кто-то, кто знает мои методы. Кто-то, кто когда-то был моим коллегой. Или учителем.

— У тебя есть подозреваемые?

— Один, — она сжала зубы. — Ксавьер Нексус. Гениальный техномаг. Мой бывший наставник. И психопат, который считает, что магия и технология должны слиться воедино, даже если для этого придётся уничтожить половину известных миров.

Я посмотрел на неё. На её синие волосы, выгоревшие добела. На металлическую вязь на скуле. На усталые, но решительные глаза. И в этот момент я понял, что моя истинная — не просто дракон, сам того не знающий. Она — ключ ко всему. К «Потерянному Коду». К планам Ксавьера Нексуса. К будущему, которое может либо уничтожить наш мир, либо спасти его.

— Что ж, — сказал я, поправляя манжеты камзола. — Похоже, наш ужин придётся отложить.

— Похоже на то, — согласилась она.

Она вытащила из-под стола ещё один прибор — на этот раз похожий на массивный пистолет с насадкой из змеевиков, — и закинула его на плечо. Потом повернулась ко мне, и её кибернетический глаз сверкнул.

— Идём, нюхач. У нас есть пара часов, чтобы найти след Ксавьера, пока он не добрался до следующей цели. И я на-

деюсь, что твой хваленый нюх работает лучше, чем сейчас.

— Он и сейчас сработал идеально, — заметил я. — Я нашёл тебя.

Она не ответила. Только фыркнула и первой вышла из кабинета. Я последовал за ней, чувствуя, как внутри меня разгорается азарт. Охота началась. И это будет самая важная охота в моей жизни.

Где-то там, в тенях многомировой паутины, прятался Ксавьер Нексус — гениальный безумец, который, сам того не зная, вёл охоту на мою истинную. И я собирался сделать всё, чтобы он пожалел о том дне, когда решил перейти дорогу Аметистовому роду.

А пока что я шёл за синеволосой аномалией по коридору Офиса, и запах её сломанной, но пробуждающейся магии был для меня слаще всех благовоний мира. Моя истинная. Моя Лайра. И я никому не позволю её отнять.

Глава 2. Проверка на верность

Глава 2. Проверка на верность

Лайра

Утро началось с катастрофы. Нет, даже не так. Утро началось с того, что я проснулась в своей холостяцкой квартире в Техно-Секторе, с жутким похмельем, хотя накануне не выпила ни капли, и с меткой на запястье, которая сияла, как аметистовый прожектор, и пульсировала в такт чужому сердцебиению где-то далеко.

И это чужое сердцебиение действовало мне на нервы.

— Это просто магия, — сказала я своему отражению в зеркале. Отражение посмотрело на меня с крайним скепсисом. — Просто древний драконий инстинкт. Ты не скучаешь, и тебе не интересно, что он там делает. Ты просто хочешь найти Ксавьера Нексуса, сдать его в тюрьму и забыть всю эту историю как страшный сон.

Отражение явно мне не поверило. И, честно говоря, я сама себе не верила.

После нашего вчерашнего знакомства с Рейнхартом — после этой вспышки, метки, его дурацких комплиментов и его совершенно невозможного, невозмутимого спокойствия — я провела бессонную ночь. Не потому что думала о нём. Вовсе нет. Я думала о «Потерянном Коде», о Ксавьере, о трёх ограблениях за двое суток и о том, что мой бывший наставник, психопат с манией величия, снова всплыл на радарх. Это было важно. Это было моей работой. И не знаю уж, по просьбе моего новоиспечённого истинного или волей случая, но после вчерашнего нас поставили вместе работать над этим делом. И вот, всю ночь, каждый раз, когда я закрывала глаза, передо мной всплывало его лицо. Эти фиолетовые глаза, ироничная улыбка, чешуя, проступавшая на скулах, когда он нервничал. И метка. Чёртова метка, которая пульсировала в такт его сердцу и транслировала мне его эмоции, как дурацкий фон.

Я чувствовала его. Непрерывно. Как тихий гул на заднем плане. Он был спокоен. Он был заинтересован. Он был... доволен.

И это бесило меня больше всего.

— Ладно, Вокс, — сказала я, натягивая свою рабочую куртку с нашивками. — Сегодня ты будешь профессионалом. Никаких драм. Никаких меток. Только работа.

Я почти в это поверила.

Офис встретил меня обычной утренней суетой. Оперативники сновали по коридорам с планшетами и стаканчиками кофе, голографические экраны транслировали сводки происшествий из разных миров, где-то орал начальник отдела, разнося кого-то за проваленное задание. Родная атмосфера. Я любила её. Она пахла потом, кофеином и бюрократией — запахами, которые я понимала и контролировала.

В отличие от запаха аметистовой магии и драконьего мускуса, который я чувствовала за три двери до своего кабинета.

Он уже был там. Конечно. Сидел за столом, который я вчера официально объявила своим, и что-то читал по поводу расследования с таким видом, будто это была утренняя газета. Одет с иголочки — тёмно-фиолетовый камзол, безупречная белая рубашка, волосы собраны в низкий хвост. Ни морщинки. Ни следа усталости. Как будто он не спал полночи, терзаясь экзистенциальным кризисом из-за случайно обрётённой истинной пары. Как будто мучилась только я.

— Доброе утро, — произнёс он, не поднимая глаз от свитка. — Ты плохо спала.

— Твоя метка доносит, или у меня мешки под глазами?

— И то, и другое. — Он оторвался от чтения и посмотрел на меня. В его взгляде было что-то такое, отчего по спине пробежала горячая волна. — Но метка передаёт только общее состояние. Детали я додумываю сам.

— Тогда перестань додумывать, — отрезала я, бросая сумку на стол. — У нас расследование. Три ограбления. Ксавьер. «Потерянный Код». Помнишь?

— Помню. И я кое-что нашёл.

Он развернул свиток, и я увидела сложную схему, нарисованную от руки. Линии, символы, какие-то драконьи руны. В центре было изображено нечто, отдалённо напоминавшее спираль или, скорее, молекулу ДНК, переплетённую с магическими знаками.

— Что это?

— «Потерянный Код» существует не в единственном экземпляре, — объяснил Рейнхарт. — Вернее, то, что называли «Кодом», — это не артефакт. Это формула. Или, если угодно, рецепт. Он описывает, как слить магию и техноло-

гию в единый симбиоз. Древние драконы пытались сделать это тысячи лет назад, но эксперимент провалился. Формулу разбили на части и спрятали в разных мирах, чтобы никто не повторил попытку.

— И Ксавьер нашёл три части, — медленно произнесла я.
— По одной в каждом из ограбленных хранилищ.

— Именно. Ему нужна четвёртая. И я знаю, где она.

— Где?

— В Аметистовом родовом архиве. — Рейнхарт поднял на меня глаза. — Моя семья была одной из тех, кто прятал фрагменты после провала эксперимента. Я выяснил это сегодня ночью.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кабинета распахнулась с таким грохотом, что я инстинктивно схватилась за парализатор.

На пороге стояла Валерия Флинт.

Вот что нужно знать о Валерии Флинт. Она была старшим оперативником с моего же этажа, специалисткой по артефактной магии, и, по совместительству, самой невыноси-

мой стервой в трёх известных мирах. Высокая, с идеальной укладкой платиновых волос, в облегающем костюме, который, казалось, был сшит из лунного света и держался на честном слове и паре молний. У неё были скулы, о которые можно порезаться, и глаза цвета расплавленного золота, которые она активно использовала, чтобы манипулировать всеми мужчинами в радиусе километра.

Мы с ней соперничали с первого дня моей работы в Патруле. Она считала меня «выскочкой с железками вместо мозгов», а я считала её «пустоголовой куклой с дипломом». Начальство обожало сталкивать нас на совместных заданиях, потому что мы, ненавидя друг друга, умудрялись показывать лучшие результаты по отделу. Чистая психология.

— Вокс! — пропела она, вливаясь в кабинет. — Я слышала, тебя повысили до кабинета Райт? Поздравляю. Хотя, честно говоря, я думала, что его отдадут мне. Всё-таки у меня на два раскрытых дела больше.

— У меня на три, если считать последнего контрабандиста, — парировала я. — Что тебе нужно, Флинт?

— Мне? Ничего. Просто шла мимо... — она запнулась, и её золотые глаза сузились, уставившись на моё запястье, которое я как раз неосмотрительно положила на стол. — А

это что?

Я мысленно выругалась. Забыла надеть перчатки. Забыла, что метка сияет, как маленькое фиолетовое солнце, и привлекает внимание.

— Ничего.

— Ничего? — Валерия подошла ближе, бесцеремонно схватила мою руку и уставилась на метку. Её пальцы были прохладными и цепкими. — Вокс, это магическая татуировка. Очень высокого уровня. И она... подожди-ка. Это метка истинности драконов?!

— Не твоё дело.

— Боги, точно! — она расхохоталась. — Я читала об этом в отчётах Адэль! У тебя появилась истинная пара? Кто он? Надеюсь, не какой-нибудь чешуйчатый зануда с манией величия?

— Вообще-то, — раздался спокойный голос Рейнхарта, — чешуйчатый зануда с манией величия — это я. Лорд Рейнхарт Аметистовый. Рад познакомиться.

Валерия повернулась к нему, и я увидела, как её зрачки

расширяются. Она оглядела его с головы до ног — медленно, оценивающе, как оценщик на аукционе. Разглядела дорогой камзол. Чешую, проступавшую на скулах. Фиолетовые глаза. И улыбнулась.

Это была та самая улыбка, с которой она обычно начинала охоту на очередного мужчину.

— Лорд Аметистовый, — промурлыкала она, протягивая ему руку. — Какая честь. Я Валерия Флинт, старший оперативник. Работаю с Лайрой в одном отделе. Она вам, наверное, рассказывала обо мне.

— Ни слова, — ответил Рейнхарт, вежливо пожимая её ладонь. Я заметила, как он слегка принюхался — его дар работал. И, судя по тому, как дёрнулся уголок его губ, запах Валерии ему не понравился. «Отлично», — мстительно подумала я.

— Ни слова? — Валерия картинно надула губки. — Ах, Вокс, ты такая скрытная. Ну ничего. Я сама всё узнаю. — Она снова повернулась ко мне, и её взгляд стал острым. — Значит, метка. Истинная пара. Поздравляю. Ты в курсе, что по драконьим законам это фактически брак?

— Я в курсе, — процедила я. — И это временно. Мы ра-

ботаем над тем, чтобы её снять.

— Снять? — Валерия приподняла бровь. — Зачем? Драконы, насколько я знаю, очень... страстные партнёры. И, главное, — она понизила голос до интимного шёпота, — они абсолютно верны. После закрепления метки, а особенно после свадьбы, их физически не тянет ни к кому, кроме истинного. Говорят, даже прикосновение другой женщины вызывает у них отвращение.

Я моргнула. Вот это было новостью.

— Что?

— А ты не знала? — Валерия улыбнулась ещё шире. — Это физиология, Вокс. Драконы — собственники. Их магия крови связывает их с истинным так, что любая попытка изменить вызывает тошноту, головокружение и полную потерю... эм... мужской силы. Поэтому драконьи пары так крепки. Они просто не могут изменять.

— Это не совсем так, — вмешался Рейнхарт. Его голос звучал ровно, но я заметила, как чешуя на его скулах слегка потемнела. — Это не мгновенный эффект. Скорее... постепенная настройка. Но в целом — да. После того, как метка полностью активируется и закрепится браком, любые посто-

ронные прикосновения интимного характера вызывают физический дискомфорт.

— Постепенная настройка? — Валерия захлопала ресницами. — Значит, сейчас, когда метка только появилась, вы ещё не полностью... привязаны?

— Валерия, — предупредила я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Не начинай.

— Что не начинать? — она изобразила святую невинность. — Я просто задаю научный вопрос. Мне, знаешь ли, интересно. Всегда было любопытно проверить, насколько сильна эта драконья верность на ранних стадиях. — Она повернулась к Рейнхарту и сделала шаг ближе. — Лорд Аметистовый, вы позволите небольшой эксперимент?

— Эксперимент? — Рейнхарт приподнял бровь, и в его глазах зажёгся опасный огонёк. — Какого рода?

— Самый безобидный! — Валерия улыбнулась и положила ладонь ему на плечо. Медленно. Очень медленно. Её пальцы пробежали по дорогой ткани камзола, скользнули выше, к воротнику, к открытой коже шеи.

Я почувствовала, как внутри меня что-то взрывается.

Это было не просто раздражение. Не просто профессиональная неприязнь. Это была чистая, животная, ослепляющая ярость, которая поднялась откуда-то из глубины живота и затопила всё тело горячей волной. Моя дракониха — та самая, которую я отказывалась признавать, — впервые за долгое время подала голос. И это был не шёпот. Это был рёв.

Моё. Не трогай. Убери свои грязные лапы от моего самца.

Я сжала кулаки так, что побелели костяшки. Метка на запястье вспыхнула ярким, обжигающим светом. Я видела, как Рейнхарт бросил на меня быстрый взгляд, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление и... удовлетворение? Он что, наслаждался этим?!

— Интересно, — промурлыкала Валерия, проводя пальцами по его шее. — Кожа тёплая. Чешуя проступает. Это реакция на меня или...

— Это реакция на неё, — мягко перебил Рейнхарт, кивая в мою сторону. — Моя истинная сейчас в бешенстве, и мой дракон это чувствует. А ваши прикосновения, леди Флинт, для меня — как прикосновения мебели. Ничего личного.

— Мебели? — Валерия замерла.

— Стула, если быть точным. Удобного, но совершенно не сексуального.

Я не выдержала. Я расхохоталась. Смех был нервным, на грани истерики, но он принёс облегчение. Ярость внутри меня немного утихла, хотя дракониха всё ещё ворчала и скалила зубы.

Валерия отдёрнула руку, как ужаленная. Её щёки порозовели — не от смущения, а от досады.

— Стула? — повторила она ледяным тоном. — Ну, знаешь, Вокс, у твоего мужчины специфическое чувство юмора.

— Это у нас семейное, — отрезала я, прежде чем успела подумать, что говорю. «Семейное»? Твою мать, что я несу?

Валерия прищурилась. Потом снова улыбнулась — на этот раз холодно, расчётливо.

— Ну что ж. Раз эксперимент не удался, оставлю вас. У меня через час вылет на Арканис-Прайм — кстати, Вокс, не хочешь со мной? Там твой бывший наставник, кажется, снова натворил дел. Или ты теперь слишком занята своей новой... меткой?

— Я сама разберусь, — отрезала я.

— Конечно, разберёшься. Ты же у нас профессионал. — Она развернулась и пошла к двери, бросив через плечо: — Но если что — моя дверь открыта. И для тебя, лорд Амелистовый, — тоже. На случай, если захотите проверить, насколько хорошо работает ваша драконья верность. Говорят, ни одно правило не обходится без исключений.

Дверь за ней закрылась.

Мы с Рейнхартом остались вдвоём в наступившей тишине.

— Итак, — произнёс он наконец, и в его голосе звучала плохо скрываемая усмешка, — это была твоя коллега. Очаровательная особа.

— Заткнись, — огрызнулась я.

— Очень тактичная. И познания в драконьей физиологии на удивление глубокие для человека.

— Я сказала — заткнись.

Он повернулся ко мне, и усмешка исчезла с его лица. В фиолетовых глазах появилось что-то серьёзное, тёплое, почти нежное.

— Ты была в ярости, — тихо сказал он. — Когда она касалась меня. Я чувствовал через метку. Твоя дракониха проснулась и встала на защиту.

— Это... это просто рефлекс! — я скрестила руки на груди. — Ничего личного. Просто магия крови. Ты сам сказал — постепенная настройка. Вот она и настраивается. Временно.

— Конечно. Просто рефлекс. — Он шагнул ко мне. — И то, что ты назвала нас «семейными», — тоже рефлекс?

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Потому что он стоял слишком близко. Его запах окутывал меня: лаванда, старые книги и что-то мускусное, глубокое, драконье. Моя метка пульсировала, моё сердце колотилось, и дракониха внутри меня довольно урчала. Ей нравилось, когда он рядом. Нравилось, когда он смотрел на меня. Нравилось, когда он говорил эти раздражающие, самоуверенные, дурацкие вещи.

— Это была оговорка, — выдавила я.

— Оговорка по Фрейду, — напомнил он. — Ты уже использовала этот термин вчера. Похоже, у тебя их много.

— Вокс, — поправила я. — Оговорка по Вокс.

— Хорошо. Оговорка по Вокс. — Он наклонился ещё ближе. Я чувствовала его дыхание на своей щеке. — Так о чём она говорит, твоя оговорка?

Я должна была оттолкнуть его. Должна была сказать что-то резкое, колючее, поставить его на место. Но моё тело, проклятое тело, не слушалось. Оно подавалось вперёд, к нему, и мои губы, казалось, жили собственной жизнью.

— Она говорит, — прошептала я, — что ты слишком самоуверенный, заносчивый, фиолетовый хвост.

— Хвост? — он приподнял бровь. — У меня нет хвоста. В человеческой форме.

— Значит, в драконьей есть?

— Есть.

— Какой?

— Длинный. Изящный. С аметистовым гребнем.

— Покажешь?

Мы замерли, глядя друг на друга. Мои слова повисли в воздухе, тяжёлые, как обещание. Я не планировала их произносить. Они вырвались сами. И я знала, что «покажешь» в драконьем контексте означает гораздо больше, чем просто «покажешь хвост». Это означает «покажешь свою истинную сущность». Доверие. Близость. Уязвимость.

Рейнхарт посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом. Потом уголки его губ дрогнули.

— Когда придёт время, — сказал он мягко, — я покажу тебе всё. А пока что, — он отступил на шаг, возвращая мне личное пространство, — у нас есть работа. Четвёртый фрагмент «Кода» хранится в моём архиве. И Ксавьер Нексус будет искать его там.

Я выдохнула. Напряжение отпустило, сменившись привычным рабочим азартом.

— Что ж, — сказала я, поправляя куртку. — Тогда идём в твой архив. Но предупреждаю: если твоя родня такая же

заносчивая, как ты, я могу кого-нибудь ударить.

— Моя родня — это я, один. Аметистовый род очень малочисленен. Так что бить будет некого.

— Жаль.

— Ты всегда настраиваешься на насилие, когда нервничаешь?

— Я не нервничаю.

— Я чувствую через метку обратное.

— Тогда перекалибруй свои датчики! — рывкнула я и первой вышла из кабинета.

Рейнхарт

Мы добрались до Аметистового архива через час. Он располагался не в главном храме, как архив Сапфировых, а в отдельной башне в Верхнем Городе — узкой, высокой, похожей на иглу из тёмно-фиолетового камня. Здесь хранились записи моего рода за последние несколько тысяч лет. И здесь же, в самом глубоком подвале, за семью магическими печатями, лежал фрагмент «Потерянного Кода».

Всю дорогу до архива Лайра молчала. Она смотрела в окно экипажа на проплывающие мимо шпили и купола Верхнего Города, и её пальцы машинально теребили ту самую металлическую вязь на скуле. Через метку я чувствовал её эмоции — смятение, раздражение, любопытство. И ещё — слабый, но отчётливый след того, что я мог бы назвать желанием. Оно было приглушённым, подавленным, но оно было там.

Я не давил. Я умел ждать.

В холле архива нас встретил мой управляющий, сухой старик-полукровка с лицом, похожим на печёное яблоко. Он поклонился мне так низко, что едва не стукнулся лбом о каменный пол.

— Лорд Рейнхарт! Мы не ожидали вас сегодня! В архиве всё в порядке, как обычно, только на прошлой неделе была небольшая утечка магического фона в третьем подуровне, но мы уже всё исправили...

— Ничего страшного, Мериус, — перебил я. — Мы здесь по делу. Это леди Лайра Вокс, моя... коллега. Мы работаем над совместным расследованием.

Мериус перевёл взгляд на Лайру, оценил её синие волосы, косуху, металлические импланты, и на его лице отразилась сложная гамма чувств: от шока до неодобрения. Но он был слишком хорошо вышколен, чтобы комментировать.

— Как вам будет угодно, милорд. Желаете чай в кабинет?

— Нет, спасибо. Мы сразу в хранилище.

Хранилище находилось в подвале. Мы спустились по винтовой лестнице, и с каждым шагом воздух становился холоднее и суше. Магические светильники на стенах горели ровным фиолетовым светом, реагируя на моё присутствие. Лайра шла за мной, и её шаги были бесшумными — она передвигалась с грацией хищника, несмотря на тяжёлые ботинки.

— Тут мрачновато, — заметила она.

— Это архив, а не парк аттракционов.

— Да ладно? А я думала, здесь карусели и сладкая вата.

Я усмехнулся, не оборачиваясь. Мне нравился её сарказм. Он был... бодрящим.

Мы дошли до массивной двери, покрытой рунами. Я при-

ложил к ней ладонь и прошептал ключевое слово на древнем драконьем. Замки заскрежетали, печати вспыхнули и погасли, дверь медленно отворилась.

Внутри было темно. Я щёлкнул пальцами, и магические факелы на стенах загорелись, освещая стеллажи с древними свитками, артефактами и кристаллами памяти. В центре хранилища, на каменном постаменте, лежал небольшой ларец из тёмного дерева с аметистовой инкрустацией.

— Четвёртый фрагмент? — спросила Лайра.

— Он самый.

Я подошёл к постаменту, но не успел прикоснуться к ларцу. Что-то заставило меня замереть. Мой дар, мой чуткий нос, взвыл тревожной сиреной. Запах. Чужой. Он был тонким, почти неразличимым, но я его чувал.

— Здесь кто-то был, — тихо сказал я.

— Когда?

— Недавно. Час, может, два.

Лайра мгновенно выхватила свой парализатор и встала в

стойку. Её глаза — и настоящий, и кибернетический — сканировали помещение.

— Я не вижу движения. Тепловизор тоже чистый.

— Он использовал магическую невидимость, — я втянул воздух. — Запах металла. Техномагии. Очень похоже на твой запах, но... более резкий. Более агрессивный.

— Ксавьер, — выдохнула Лайра.

— Возможно.

Я медленно обошёл постамент. Ларец был на месте, но я чувствовал — защитные чары были нарушены. Кто-то пытался их взломать, но не закончил. Спугнули? Или...

Сзади раздался шорох. Я резко обернулся и увидел, как из тени у дальней стены выступает фигура. Высокий мужчина с бледным, аскетичным лицом и глазами разного цвета: один — карий, почти чёрный, второй — полностью белый, без зрачка, горящий потусторонним светом. Его правая рука была заменена сложным техномагическим протезом, от которого исходило то самое свечение, что я почувал.

— Лорд Аметистовый, — произнёс он голосом, похожим

на скрежет металла. — И моя дорогая ученица. Какая неожиданная встреча.

— Ксавьер, — Лайра направила на него парализатор. — Руки вверх. Ты арестован.

— Арестован? — он рассмеялся. — За что? За то, что хочу сделать этот мир совершенным?

— За три ограбления, незаконное проникновение в родовой архив и попытку похищения магического артефакта, — отчеканила она. — Для начала.

— Артефакта? — он покачал головой. — О, Лайра, ты всегда мыслила слишком узко. Это не просто артефакт. Это — будущее. Будущее, в котором не будет разделения на магию и технологию. В котором люди, драконы и техномаги станут единым целым. Ты понимаешь это лучше всех. Ты сама — живое доказательство того, что такое слияние возможно.

— О чём ты?

— О твоей крови, дорогая. — Ксавьер улыбнулся, и улыбка эта была жуткой. — Ты думала, что ты просто человек с модификациями? Нет. Ты — потомок Ртутных драконов.

Вымершего рода, который обладал уникальной способностью: их магия могла сливаться с любой технологией. Ты — ключ к «Коду». Без тебя формула не работает.

Я увидел, как Лайра побледнела. Её рука с парализатором дрогнула.

— Ты лжёшь.

— Я никогда не лгу, когда речь идёт о науке. — Ксавьер шагнул ближе. — Я хотел рассказать тебе постепенно, подготовить. Но раз ты здесь, вместе с ним, — он скривился, — тогда слушай. Ты нужна мне, Лайра. Твоя кровь, твоя магия, твоя дракониха. Мы вместе закончим то, что начали древние. Мы создадим новый мир. Ты же моя ученица, ты же боготворила меня, вспомним старые времена?

— Только через мой труп, — процедила она.

— Ну, — он пожал плечами, — это можно устроить.

И атаковал.

Всё произошло мгновенно. Ксавьер вскинул протез, и из него вырвался ослепительный белый луч — не магический, а техномагический, гибридный, — ударивший прямо в Лайру.

Она успела активировать защитное поле, но удар отшвырнул её к стене. Я рванулся вперёд, выпуская аметистовое пламя, но Ксавьер ушёл в тень — буквально растворился в воздухе, как теневой дракон, хотя я не чувал в нём теневой магии. Это была технология. Маскировочный модуль. Он успел выхватить четвертый фрагмент.

— В другой раз, лорд! — раздался его голос, отражаясь от стен. — Когда вы оба будете более сговорчивы!

И он исчез. Дверь хранилища захлопнулась за ним с грохотом, и я услышал, как снаружи заскрежетали блокирующие чары. Он запирал нас внутри.

— Вот дерьмо, — выдохнула Лайра, поднимаясь. На её щеке была ссадина, но она, казалось, не замечала этого. — Он ушёл!

— Он запер нас, — поправил я, осматривая дверь. — Защитные руны активированы снаружи. На это потребуется время.

— Сколько?

— По меньшей мере час.

— Час?! — она ударила кулаком по стене. — За час он успеет скрыться!

— Не успеет. Его след ещё свежий. Я его чую. Мы найдём его, Лайра. Но сначала нам нужно выбраться отсюда. А для этого, — я повернулся к ней и криво усмехнулся, — нам придётся поработать вместе.

— Мы и так работаем вместе.

— Я имею в виду — по-настоящему вместе. Моя магия и твоя. Аметистовое пламя и твой... ртутный дар. Другого способа снять эти печати нет.

Она замолчала. Я видел, как в её глазах борются противоречия. Нежелание принимать свою драконью сущность. Страх перед неизвестным. Но также — азарт охотника, который не хочет упускать добычу. И что-то ещё. Что-то, что она прятала глубоко внутри и не позволяла себе признать.

— Ладно, — сказала она наконец. — Что мне нужно делать?

— Просто доверься мне.

Я подошёл к ней и взял за руку. Метка на наших запястьях

вспыхнула с новой силой, и я почувствовал, как её дракони-
ха — испуганная, недоверчивая, но сгорающая от любопыт-
ства — потянулась к моему дракону. Это было похоже на
электрический разряд. На первый глоток воды после долгой
жажды. На обещание.

— Сейчас, — прошептал я, — позволь ей проснуться.
Позволь ей помочь.

Лайра закрыла глаза и глубоко вздохнула. А потом я по-
чувствовал это. Холодный, текучий, серебристый огонь, под-
нимающийся из самой глубины её существа. Не пламя — по-
ток. Жидкий свет, который обвил мои пальцы и слился с аме-
тистовым огнём в единый, ослепительный луч.

Печати на двери дрогнули.

— Получается? — выдохнула Лайра.

— Получается. Продолжай.

Я сжал её ладонь крепче, и мы вместе направили поток
на дверь. Аметистовый и ртутный свет заплясали на древних
рунах, взламывая их одну за другой. Это было похоже на ду-
эт. На танец. На что-то, что было больше, чем просто магия.

Через десять минут дверь распахнулась.

— У нас получилось, — выдохнула я. — Твою мать, получилось!

— Я же говорил, — сказал он. — Просто доверься мне.

— Не зазнавайся, фиолетовый.

— Не буду, железная леди.

Я рассмеялась — и осёклась, потому что в его глазах снова увидела это. То самое выражение, от которого у меня подгибались колени. Нежность. Гордость. И обещание, которое он собирался сдержать.

— Идём, — сказала я, отводя взгляд. — Ксавьер ждать не будет.

— Конечно.

И тут ко мне пришло осознание.

Глава 3. Трещины в броне

Глава 3. Трещины в броне

Лайра

Четвёртый фрагмент исчез.

Я стояла посреди разгромленного хранилища, смотрела на пустой постамент, где ещё десять минут назад лежал ларец с аметистовой инкрустацией, и медленно, очень медленно считала до десяти. Это был старый трюк, которому меня научили в Академии. Считаешь до десяти — и не убиваешь никого из коллег. Считаешь до двадцати — и не крушишь казённое имущество. Считаешь до ста — и не начинаешь орать на весь мир о том, какая ты идиотка.

Я сбилась на семи.

— Забрал, — выдохнула я. — Эта тварь забрала его. Он отвлекал нас своей болтовнёй о «новом мире» и «великом слиянии». А мы, как два идиота, слушали!

Рейнхарт молчал. Он стоял у двери, которую мы только что взломали совместными усилиями, и смотрел на пустой

постамент. Его чешуя на скулах потемнела до густо-фиолетового — признак сдерживаемой ярости. Я уже научилась различать его эмоции не только через метку, но и по этим крошечным деталям. И сейчас он был в бешенстве. Но держал его в узде. Как всегда.

— Он не просто отвлекал, — произнёс он наконец. — Он оставлял магический слепок. Оставил копию себя, которая говорила с нами, пока настоящий Ксавьер обходил ловушки с другой стороны. У него теперь есть часть «Кода». Три фрагмента, которые он украл. Плюс четвёртый, который он только что забрал. — Рейнхарт провёл ладонью по лицу. — Мы не знаем, что именно дают эти фрагменты по отдельности. Возможно, один из них позволяет дублировать магические сигнатуры.

Я выругалась. Длинно, грязно, на трёх языках сразу. Арканистский матерный, земной матерный и бинарный код, который в переводе означал примерно то же самое. Рейнхарт приподнял бровь, но ничего не сказал.

— Мы упустили его, — подвела я итог. — Он был у нас в руках. Мы стояли в трёх метрах от него. И мы его упустили.

— Мы не упустили. Мы получили информацию.

— Какую?! Что он псих с манией величия? Это я и так знала!

— Мы получили подтверждение, что ему нужна ты. — Рейнхарт повернулся ко мне, и его фиолетовые глаза полыхнули. — Не просто кровь дракона. Не просто фрагменты «Кода». Ты. Живая. Со своей магией и своей сущностью. Без тебя формула не работает. Это значит, что у нас есть рычаг.

— Рычаг? — я горько усмехнулась. — Я не рычаг. Я — мишень.

— Ты — ключ, — поправил он. — И ты не одна. У тебя есть я.

— Ага. И что ты предлагаешь? Привязать меня к себе навечно, чтобы он не добрался? Так мы и так уже привязаны!

Он помолчал. Потом тихо, очень тихо сказал:

— Я предлагаю тебе довериться мне. По-настоящему. Не из-за метки. Не из-за расследования. А потому что я не дам тебя в обиду ни Ксавьеру, ни кому-либо ещё.

Я ничего не ответила. Просто развернулась и вышла из хранилища.

Мы вернулись в мою квартиру в Техно-Секторе, потому что мне нужно было перегруппироваться, а Рейнхарт сказал, что его присутствие в родовом архиве сейчас вызовет слишком много вопросов у Совета. «Твой дом — самое безопасное место на данный момент», — заявил он тоном, не терпящим возражений. Я хотела поспорить, но сил не было.

Теперь он сидел на моём продавленном диване, среди разбросанных инструментов и пустых стаканчиков из-под кофе, и изучал голографическую карту города, которую я развернула над журнальным столиком. Его аристократическая фигура смотрелась в этой обстановке как бриллиант в куче металлолома. Но, надо отдать ему должное, он не жаловался. Даже когда на его колени запрыгнул Шредер — мой биомеханический кот, помесь мейн-куна и разведывательного дро-на, — и начал тереться о его камзол, оставляя на дорогой ткани следы синтетической шерсти.

— У тебя кот, — заметил Рейнхарт, осторожно почесав Шредера за металлическим ухом.

— Я говорила.

— Я думал, ты шутишь.

— Я никогда не шучу про Шредера. — Я налила себе кофе из древней кофеварки, которая работала на чистой злости и магических батарейках, и села напротив. — Он — единственное существо в этом мире, которое меня не раздражает.

— А я?

— Ты в первой тройке раздражающих.

— Это прогресс. Вчера я был на первом месте.

— Не обольщайся. Первое место попеременно делят Валерия Флинт и Ксавьер Нексус.

При упоминании имени Ксавьера Рейнхарт оторвался от карты и посмотрел на меня. Долго. Изучающе. Его ноздри слегка дрогнули — он чуял. Конечно, чуял. Этот проклятый нюхач всегда знал, что я чувствую.

— Ты расстроена не только из-за того, что он сбежал, — сказал он. — Есть что-то ещё. Не хочешь рассказать?

Я сжала кружку так, что она треснула. Кофе потёк по пальцам. Шредер, испугавшись, прыгнул с колен Рейнхарта и скрылся под диваном.

— Не сейчас, — процедила я.

— Лайра...

— Я сказала — не сейчас!

Но слова уже рвались наружу. Те самые, которые я запира-
ла в самой глубокой, самой тёмной ячейке памяти уже мно-
го лет.

Я села обратно, поставила треснувшую кружку на стол и
установилась в одну точку. Рейнхарт не давил. Он просто ждал.
И это молчаливое ожидание почему-то давило сильнее, чем
любые расспросы.

— Ты хочешь знать, почему я так взбесилась там, в хра-
нилище? — тихо спросила я. — Не из-за того, что он украл
фрагмент. Не из-за того, что он чуть не убил нас. А из-за то-
го, что этот ублюдок когда-то был мне... — я запнулась, —
...дорог. Он был мне как отец. Или как старший брат. Или
как чёртов наставник, которому веришь больше, чем себе.

Рейнхарт молчал. Я закрыла глаза и провалилась в про-
шрое.

Детство.

Аркианис-Прайм. Мир, в котором нет ни дня, ни ночи — только вечные сумерки, подсвеченные неоном и разрядами техномагии. Мир, где небо затянуто смогом, а под ногами хрустят не листья, а отработанные микросхемы. Мир, где дети рождаются не в родильных домах, а в капсулах генетической коррекции.

Я родилась в Приюте № 47, в Нижнем Секторе, и моими первыми воспоминаниями были не мамины руки и не папин голос, а холодный свет лампы, гудение аппаратуры и лицо социального дрона, который сообщил мне, что я — «подопечная класса F, без документов, без генетических маркеров, без истории».

У меня не было родителей. Не было имени, пока его не присвоил компьютер, выбрав из списка «невостребованных идентификаторов». Лайра — значит «печальная». Вокс — значит «голос». Печальный голос. Долбаная ирония.

Приют был не самым худшим местом в Нижнем Секторе, но и не самым лучшим. Детей там кормили синтетической кашей, обучали базовым навыкам выживания и готовили к работе на фабриках. Те, кто проявлял способности к техномагии, получали шанс на повышение: их отправляли в Техномагическую Академию, где из них делали инженеров, опе-

раторов или, если повезёт, оперативников Патруля.

Я попала в число этих счастливичков в семь лет. В тот день, когда я впервые вскрыла защитный код социального дрона одной лишь силой мысли. Дрон задымился, рухнул на пол, а я стояла над ним, испуганная и потрясённая, пока воспитатели не поняли, что произошло.

— У неё дар, — сказал кто-то. — Отправьте её на тестирование.

Тестирование я прошла с отличием. Мой мозг работал как процессор. Мои пальцы чувствовали магию в микросхемах. Моя интуиция позволяла мне находить сбои в сложнейших системах. Я была вундеркиндом. Маленьким гением. Надеждой Приюта № 47.

Так я попала в Академию. И там я встретила его.

Ксавьер Нексус был молодым преподавателем — не старше тридцати, с бледным, аскетичным лицом и глазами разного цвета. Карий, почти чёрный, и белый, без зрачка, который он прятал за специальной линзой, но не всегда. Позже я узнала, что этот глаз видел магические потоки. Что он был результатом неудачного эксперимента. Что Ксавьер заплатил за своё видение мира высокую цену.

Но тогда, в мои восемь лет, я об этом не знала. Я видела только человека, который первым заговорил со мной не как с «подопечной», а как с личностью.

— Ты Лайра? — спросил он, присаживаясь на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. Это было странно: взрослые обычно смотрели на меня сверху вниз. — Мне сказали, у тебя уникальный дар.

— Я сломала дрона, — призналась я, ожидая наказания.

— Ты не сломала. Ты перепрограммировала его без терминала. Без инструментов. Без обучения. — Он улыбнулся, и улыбка у него была тёплой, почти отцовской. — Это потрясающе, Лайра. Ты потрясающая.

Никто никогда не называл меня потрясающей. Никто никогда не улыбался мне так. Я привыкла, что меня терпят, как неизбежное зло. А он... он смотрел на меня с восхищением.

С того дня Ксавьер стал моим наставником. Он учил меня всему: как управлять даром, как совмещать магию и технологию, как взламывать системы защиты, как создавать новые приборы из подручного хлама. Он проводил со мной часы после занятий, объясняя то, чего не было в учебниках.

Он водил меня в техно-парки, где мы запускали самодельных дронов в небо. Он рассказывал мне о других мирах — о тех, где магия и технология не враждуют, а существуют в гармонии.

— Когда-нибудь, — говорил он, и его белый глаз загорался, — мы создадим мир, где не будет границ. Где любой ребёнок, даже из Нижнего Сектора, сможет стать кем захочет. Где магия и технология сольются в единое целое.

— Это возможно? — спрашивала я.

— С твоей помощью — да, Лайра. С твоим даром — да. Ты не просто ребёнок. Ты — будущее.

Я верила ему. Абсолютно. Безоговорочно. Я смотрела на него, как на пророка. Как на гения, который видит дальше всех. Как на единственного человека в мире, которому не плевать на маленькую сироту из Приюта № 47.

Годы шли. Я росла. Мой дар развивался. Я была лучшей ученицей Академии, и Ксавьер гордился мной. Мы вместе работали над проектами — легальными и не очень. Он говорил, что «большая наука не всегда укладывается в рамки закона», и я кивала, потому что он был моим учителем, моим наставником, моим... всем.

Идиотка. Какая же я была идиотка.

Потому что однажды всё изменилось. Однажды я увидела его настоящего.

Мне было девятнадцать. Я только что получила диплом с отличием и готовилась поступать в Межмировой патруль. Ксавьер... он изменился. Он стал более закрытым, более резким, более одержимым своими идеями. Его глаза горели уже не теплом, а лихорадочным огнём. Он говорил о «великом слиянии», о «сингулярности», о том, что «старые расы должны уйти, чтобы освободить место новым».

— Ты говоришь как фанатик, — сказала я ему однажды.

— Я говорю как реалист, — ответил он. — Ты ещё поймёшь.

И я поняла. Поняла, когда нашла в его лаборатории записи. Подробные, методичные, холодные. Проект «Сингулярность». План, как использовать «Потерянный Код» для слияния магии и технологии. И не просто план — график. Эксперименты. Списки жертв.

Он тестировал свою технологию на живых существах. На

разумных существах. На тех, кого никто не будет искать: бездомных, беглецах, жителях Нижнего Сектора. Тех самых, из которых вышла я.

Меня вырвало. Прямо там, в его лаборатории, среди записей и приборов. Я стояла на коленях, и меня тошнило от ужаса и отвращения. От того, что я верила ему. От того, что я помогала ему. От того, что я была соучастницей.

Когда я поднялась, Ксавьер стоял в дверях. Он смотрел на меня спокойно, почти ласково.

— Ты нашла мои записи, — сказал он.

— Ты убивал людей.

— Я двигал науку. Это разные вещи.

— Это одно и то же! — закричала я. — Ты чудовище! Ты...

— Ты не понимаешь сейчас, — перебил он. — Но поймёшь позже. Ты — ключ ко всему, Лайра. Твоя кровь, твой дар — они уникальны. Ты рождена, чтобы завершить мою работу.

— Я не буду в этом участвовать!

— Будешь. — Он шагнул ко мне, и я впервые увидела в его глазах не тепло, а холод. — Потому что иначе ты станешь следующей жертвой.

Я бежала. В ту же ночь. Забрав с собой копии его записей. Я пришла в Межмировой патруль не как соискатель, а как свидетель. Я сдала своего наставника, своего учителя, единственного человека, которому когда-то верила.

Ксавьера арестовали. Но он сбежал через три дня, убив двух конвоиров. И с тех пор я гонялась за ним по мирам, пытаюсь исправить то, что считала своей виной. Потому что я должна была заметить раньше. Должна была понять. Должна была остановить его до того, как пролилась первая кровь.

Но я не заметила. Не поняла. Не остановила.

И теперь, спустя годы, он снова стоял передо мной. И снова говорил о «великом слиянии». И снова смотрел на меня, как на инструмент.

Я открыла глаза. Рейнхарт сидел напротив, всё так же молча, всё так же неподвижно. Его лицо было серьёзным, но не осуждающим. Он не читал мне морали. Не говорил «ты не

виновата». Не пытался утешить пустыми словами. Он просто был рядом. И от этого у меня защипало в глазах.

— Знаешь, что самое паршивое? — спросила я хрипло. — Не то, что он монстр. Не то, что он убивал. А то, что я до сих пор помню, как он улыбался мне. Как хвалил меня. Как говорил, что я «потрясающая». Я верила ему. Я любила его, понимаешь? Как отца. Как единственного человека, которому было не плевать. И всё это было ложью. Он просто видел во мне ресурс. Инструмент. «Ключ», как он выразился сегодня.

Рейнхарт поднялся с дивана, обошёл стол и опустился передо мной на корточки. Так же, как когда-то Ксавьер, когда я была маленькой. Но, в отличие от Ксавьера, его глаза — фиолетовые, глубокие, как аметистовые недра — смотрели на меня без единой капли фальши.

— Ты не инструмент, — сказал он. — Ты — Лайра Вокс. Женщина, которая сдала своего наставника, потому что это было правильно. Женщина, которая гоняется за ним по мирам, чтобы остановить его. Женщина, которая только что взломала магические печати, не имея никакого опыта в чистой магии. Ты — самая сильная личность из всех, кого я встречал за триста лет.

— Ты говоришь это, потому что я твоя истинная, — фыркнула я.

— Я говорю это, потому что это правда. — Он взял мою руку, и метка на запястье отозвалась теплом. — Ты спрашивала, почему я такой спокойный, когда всё летит к чертям? Потому что я аналитик. Я просчитываю варианты. И я просчитал нас. У нас с тобой есть всё, чтобы остановить Ксавье-ра. Твой дар, моя магия, твоё знание его методов, мои ресурсы. И метка, которая связывает нас в единую систему. Мы сильнее, чем он. Мы быстрее, чем он. Мы умнее, чем он.

— Звучит как очередная самоуверенная речь.

— Это и есть самоуверенная речь. Но она правдива. — Он чуть сжал мою ладонь. — Ты доверилась ему в детстве, потому что не знала, что люди могут лгать. Теперь ты знаешь. Теперь ты можешь отличить правду от лжи. Я не прошу тебя доверять мне слепо. Я прошу тебя дать мне шанс. Тот самый месяц, который мы обговорили вчера. Просто время. Время, чтобы ты увидела: я не он.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то ломается. Какая-то стена, которую я строила годами. Она была крепкой, как армопластил, и я думала, что за ней безопасно. Но он пробил её. Не грубой силой — мягкостью. Он про-

бил её тем, что сидел на моём продавленном диване и чесал моего биомеханического кота. Тем, что не осуждал меня за ошибки прошлого. Тем, что смотрел на меня так, будто я была чудом.

— Ладно, — сказала я наконец. — Месяц. Но без глупостей.

— Без глупостей, — согласился он. И добавил, чуть улыбувшись: — Разве что чуть-чуть.

— Ты невыносим.

— Я знаю.

Шредер вылез из-под дивана и требовательно мяукнул, намекая, что его миска пуста. Я вздохнула, поднялась и пошла к кошачьему автомату. За моей спиной Рейнхарт снова склонился над голографической картой, но я чувствовала его присутствие каждой клеткой. Метка на запястье пульсировала мягко, успокаивающе.

Ксавьер всё ещё был где-то там — с четырьмя фрагментами «Кода», с планами на мою кровь и с безумной мечтой о «сингулярности». Но сейчас, впервые за многие годы, я не чувствовала себя одинокой в этой войне. У меня был союз-

ник. Раздражающий, заносчивый, фиолетовый союзник. Но он был моим.

И горе тому, кто попытается у меня его отнять.

— Рейнхарт, — позвала я.

— Да?

— Спасибо. За то, что слушал.

Он не ответил. Но метка на моём запястье потеплела, и я знала — он услышал. Он всегда слышал. Этот проклятый нюхач чувствовал то, что я не могла сказать вслух.

Визуалы. Лайра

Лайра Вокс

Визуалы. Рейнхарт

Рейнхарт

Глава 4. Хроники Нижнего Сектора

Лайра

Я ненавидела брифинги. Они всегда выглядели одинаково: начальник отдела, сухой как гербарий, стоит у голографической доски и зачитывает сводки таким тоном, будто перечисляет список покупок. Пропало то. Украдено это. Жертв столько-то. Подозреваемых — ноль. Действуйте. Ищите. Отчитывайтесь.

Но сегодня всё было иначе. Потому что сегодня я сидела за столом переговоров не одна, а с аметистовым драконом, который — вот ведь ирония судьбы — был моей истинной парой и одновременно главным помощником и свидетелем по делу о похищении четвёртого фрагмента «Потерянного Кода».

Рейнхарт выглядел безупречно. После вчерашней битвы в хранилище, после погони, провала и ночи, проведённой на моём продавленном диване (он настоял, что останется «для моей безопасности», и заснул, едва коснувшись подушки, — я проверила), он умудрился выглядеть так, будто только что вышел из спа-салона. Свежий камзол, идеально завязанный галстук, волосы собраны в низкий хвост. Ни следа вчераш-

ней усталости. Бесит.

— Итак, — начал шеф отдела, немолодой полуэльф по имени Грегор, поправляя очки-сканеры. — Подведём итоги. За последние три дня объект «Нексус» совершил три ограбления в драконьих мирах. Похищены фрагменты так называемого «Потерянного Кода». Четвёртый фрагмент, хранившийся в родовом архиве Аметистовых, был похищен вчера. Лорд Рейнхарт и оперативник Вокс вступили в контакт с объектом, но задержать его не удалось.

— Он использовал тeneвую копию, — вставила я. — Технологию, которой у него раньше не было. Мы не ожидали.

— Ожидать нужно всего, Вокс. На то ты и опер. — Грегор поджал губы. — Что мы знаем о следующем шаге Нексуса?

Я активировала голографический экран над столом. На нём высветилась карта миров Межмирового Содружества, соединённых линиями порталов. Три мира были отмечены красными крестами — места ограблений. Четвёртый, драконий, — тоже. Пятый пункт, Арканис-Прайм, пульсировал жёлтым маркером.

— Четыре фрагмента из пяти у него, — сказала я. — Пятый, согласно нашим данным, находится на Арканис-Прайме.

— Твоём родном мире, — уточнил Грегор.

— Именно. И я знаю, где искать. Пятый фрагмент хранится в подпольной коллегии техномагов — что-то вроде наших архивов, только нелегальных. Ксавьер раньше состоял в этой коллегии. У него там связи, доступ и, скорее всего, тайники.

— Значит, ты отправишься на Арканис-Прайм и найдёшь его раньше, чем он доберётся до фрагмента.

— Мы отправимся, — поправил Рейнхарт. — Я иду с ней.

Грегор перевёл взгляд на дракона и замер. Я видела, как его очки-сканеры мигнули, считывая ауру Рейнхарта. Полуэльф явно не привык, чтобы Верховные лорды драконьих родов сидели в его кабинете переговоров и добровольно вызывались на опасные миссии.

— Лорд Аметистовый, — осторожно начал он, — вы, конечно, обладаете значительными магическими способностями, но Арканис-Прайм — это не драконий мир. Это техномагический мегаполис. Магия там работает иначе. Ваши навыки могут оказаться... неоптимальными.

— Я осознаю риски, — спокойно ответил Рейнхарт. — Но леди Вокс — моя истинная пара. Куда она — туда и я. Это не обсуждается.

Грегор поперхнулся кофе. Я закатила глаза.

— Ты мог бы сформулировать это чуть менее... драма-

тично, — заметила я.

— Я сформулировал это максимально точно.

— Вот именно. Драматично.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и на пороге возникла Валерия Флинт. Сегодня она была в облегающем серебристом комбинезоне, который, казалось, был нарисован прямо на коже, и с укладкой, которая не растрепалась бы даже при прямом попадании молнии. В руках она держала планшет.

— Прошу прощения за опоздание, — пропела она, усаживаясь напротив меня с таким видом, будто это она тут главная. — Я собирала дополнительную информацию по Арканис-Прайму. И, кстати, Вокс, ты в курсе, что твой бывший наставник оставил цифровой след в порталном терминале час назад?

— Что?!

— Да-да. — Она развернула планшет ко мне. — Терминал засёк его сигнатуру. Он уже на Арканисе. Так что, похоже, у вас нет времени на долгие сборы.

Я выругалась сквозь зубы и вскочила. Рейнхарт поднялся следом, невозмутимый как скала. Валерия проводила нас до двери и, когда мы уже выходили, бросила мне в спину:

— Вокс, присмотри за своим драконом. Говорят, в Нижнем Секторе на таких, как он, открывают охоту. Магическая чешуя там ценится на вес золота.

— Сама присмотри за своим языком, — огрызнулась я.
— Пока его не укоротили.

Она рассмеялась, и дверь за нами закрылась.

Портал на Арканис-Прайм находился в специальном крыле Межмирового Офиса — огромном ангаре, где ряды порталных арок мерцали всеми цветами радуги. Я выбрала арку с маркировкой «АР-7», ввела код доступа и шагнула вперёд, не оглядываясь на Рейнхарта. Знала, что он идёт следом.

Арканис-Прайм встретил нас дождём. Не обычным — тёплым, летним, — а кислотным, мелким, как пыль, который шипел на коже и оставлял на металле ржавые разводы. Я шагнула из портала первой, вдохнула знакомый с детства воздух — смесь озона, машинного масла, гниющих отходов и чего-то острого, похожего на жжёный пластик, — и на мгновение замерла. Запах родины. У каждого он свой. У меня — вот такой.

Рейнхарт вышел следом и сразу же скривился.

— Что это за запах? — спросил он, принюхиваясь с таким

видом, будто его оскорбили лично.

— Это называется «прогресс», — ответила я. — Привыкай, чешуйчатый. Здесь нет драконьих благовоний, лавандовых садов и прочей аристократической ерунды. Здесь реальный мир.

— Реальный мир пахнет как помойка?

— Реальный мир пахнет как жизнь. Не нравится — можешь подождать в порталном терминале. Там хотя бы фильтры работают.

— Я не оставлю тебя одну в этом... этом месте.

Я хмыкнула и двинулась вперёд, не дожидаясь, пока он начнёт задавать вопросы.

Портальный терминал находился на окраине Нижнего Сектора. Огромное здание из ржавого металла и потрескавшегося бетона, подсвеченное аварийными неоновыми лампами. Внутри было шумно: толпы существ из разных миров толкались у стоек регистрации, грузчики таскали контейнеры с маркировкой «Опасно. Магический фон», а где-то над головой голографический диктор зачитывал расписание порталов на четырёх языках одновременно.

Я шла быстро, лавируя между толпой, и слышала, как Рейнхарт за моей спиной постоянно обо что-то спотыкается. То о кабель, протянутый поперёк прохода. То о покосившийся

ремонтный дрон. То о груды металлических ящиков, на которые он не обратил внимания, потому что глазел по сторонам. А поглазеть было на что.

— Здесь всё... из металла, — заметил он наконец.

— Гениальное наблюдение. Ты ещё скажи, что здесь темно.

— Здесь действительно темно.

— Это потому что мы под землёй. Верхний Сектор, может, и видит солнце раз в месяц, но Нижний — никогда. Привыкай.

Мы вышли из терминала на улицу. Точнее, на то, что здесь называлось улицей: узкий проход между высоченными башнями, уходящими в вечный смог. Над головой грохотали монорельсы, по стенам бежали гирлянды голографической рекламы — дешевой, мигающей, орущей на все лады: «Чипы магической энергии! Дёшево!», «Модификации конечностей! В рассрочку!», «Новый „Сияние-7“! Твоё сознание — твои правила!». Последняя реклама заставила меня поморщиться. «Сияние». Даже здесь эта дрянь проникла.

Рейнхарт стоял посреди этого безумия и выглядел так, будто его только что выбросило из космического корабля без скафандра. Его безупречный фиолетовый камзол уже покрылся слоем кислотной пыли. На левом плече красовалось

жирное пятно — след от голографической вывески, в которую он врезался, засмотревшись на парящего дрона-разносчика. Волосы, ещё утром собранные в идеальный хвост, растрепались и теперь торчали в разные стороны.

— Ты похож на мокрую кошку, — заметила я.

— Я похож на лорда, которого только что окунули в чан с машинным маслом, — возразил он. — Куда мы идём?

— Сначала — ко мне. Моя старая квартира. Нужно переодеться, взять снаряжение и проверить мои старые каналы. Если Ксавьер уже здесь, каждая минута на счету.

— Твоя квартира? — в его голосе прорезалось любопытство. — Там тоже есть биомеханический кот?

— Шредер. Его зовут Шредер. И нет, его там нет.

Мы двинулись вглубь Нижнего Сектора. Чем дальше мы уходили от терминала, тем мрачнее и теснее становились улицы. Реклама становилась агрессивнее, прохожие — подозрительнее, а воздух — тяжелее. Мой район находился на четвёртом подуровне, в так называемой Жестяной Петле — лабиринте из контейнерных жилищ, перестроенных фабричных цехов и незаконных технических свалок. Здесь магия продавалась из-под полы в каждой подворотне. Чип-аптеки — крошечные ларьки, где можно было купить заклинание на одноразовом носителе, — мигали фиолетовыми вывесками через каждые двадцать метров. Наркоманы, подключён-

ные к портативным генераторам иллюзий, сидели вдоль стен с пустыми глазами.

Рейнхарт больше не жаловался на запах. Он молча шёл за мной, и я чувствовала через метку его нарастающее напряжение. Он чуял этот мир — его дар работал постоянно, анализируя тысячи новых запахов. И я знала, что это выматывает его сильнее, чем любая битва.

Моя старая квартира находилась в перестроенном грузовом контейнере на десятом ярусе Жестяной Петли. Двадцать квадратных метров ржавого железа, усиленного армированным пластиком. Единственное окно выходило на стену соседнего контейнера в полуметре. Из удобств — автономный генератор, фильтр для воды и древняя кофеварка, которую я собрала сама из деталей списанного абордажного дрона.

Когда я открыла дверь, Рейнхарт внимательно огляделся. Я вдруг остро осознала, насколько крошечной и убогой должна казаться моя старая квартира драконьему лорду, который привык к мраморным залам и шёлковым простыням. Стены, увешанные инструментами и запчастями. Верстак, заваленный схемами и недоремонтированными приборами. Койка в углу, застеленная старым армейским одеялом. Единственная голографическая фотография — я и мой выпускной курс Академии, где я стою среди однокурсников, кото-

рых давно разбросало по мирам.

— Здесь ты жила? — тихо спросил он.

— Здесь я выживала, — поправила я. — Это разные вещи.

Он не ответил. Но я заметила, как его взгляд задержался на фотографии. Потом на моих инструментах, разложенных в идеальном порядке. Потом на самодельной кофеварке.

— Ты сама это построила? — он кивнул на кофеварку.

— Собрала из хлама. Она работает на магических батарейках и моей злости.

— Впечатляет.

— Это просто кофеварка.

Я отвернулась к шкафу, чтобы он не увидел, как мои щёки порозовели. Чёрт возьми, какое ему дело до моей кофеварки?

— Нам нужно сменить одежду, — сказала я, бросая ему комплект униформы — простые тёмные брюки, рубашку и кожаную безрукавку с капюшоном. — В этом ты выглядишь как турист, у которого можно отнять кошелёк.

— Я не ношу такое.

— Здесь будешь носить. Или оставайся здесь и жди меня.

Рейнхарт вздохнул и взял одежду. Через десять минут он стоял посреди моей квартиры, одетый как местный наёмник. Камзол он аккуратно свернул и оставил на стуле, и я заметила, как он погладил ткань на прощание — будто прощался с частью себя.

— Тебе идёт, — честно сказала я. — Выглядишь как головорез из Верхнего Сектора.

— Это комплимент?

— В каком-то смысле.

Я переделалась в свой стандартный полевой комплект: усиленная косуха, термо-штаны, ботинки на магнитной подошве, тактический пояс с инструментами. Убрала волосы под капюшон. Проверила парализатор и обсидиановый нож — единственное, что работало против магии.

«Хромированный змей» был одним из старейших техно-клубов Нижнего Сектора. Располагался он на минус третьем уровне, в бывшем бомбоубежище, перестроенном под нужды подпольной техно-тусовки. Здесь собирались хакеры, контрабандисты, нелегальные модификаторы и прочие сомнительные личности, которые знали всё обо всех.

Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через три уровня охраны: биометрический сканер, детектор магии

(Рейнхарта чуть не развернули — пришлось дать взятку) и, наконец, голосовую верификацию у двери.

— Назовите себя, — проскрежетала дверь металлическим голосом.

— Лайра Вокс. Старший оперативник. В списке постоянных посетителей с четвёртого года.

— Подтверждено. Добро пожаловать, Вокс.

— А я? — спросил Рейнхарт.

— Вы — «плюс один», — ответила дверь с явным презрением. — Проходите. Но без глупостей.

— Почему все постоянно подозревают меня в глупостях? — пробормотал он, протискиваясь внутрь.

— Потому что у тебя такое лицо.

Внутри было именно так, как я помнила. Густой, влажный воздух, пропитанный запахом пота, машинного масла, дешёвого алкоголя и разгорячённых тел. Тяжёлая музыка — басовая, ритмичная, заставляющая вибрировать стены и внутренности. Голографические танцовщицы на подиумах извивались в такт, их тела переливались всеми цветами спектра. Барная стойка тянулась вдоль всей стены, уставленная бутылками с жидкостями, которые светились в ультрафиолете. В углу, в отдельных кабинках, сидели хакеры, подключённые к портативным терминалам.

Рейнхарт замер, переваривая открывшееся зрелище.

— Это... впечатляюще, — произнёс он наконец.

— Ты хотел сказать «отвратительно»?

— Я хотел сказать «ошеломляюще». Это не одно и то же.

Мы двинулись к бару. Я заказала себе энергетик (безалкогольный — на работе не пью), а Рейнхарт долго изучал меню, пока не ткнул пальцем в единственное название, которое смог прочитать: «Рубиновый эль». Бармен, мрачный тип с имплантами на пол-лица, плеснул ему мутную жидкость в гранёный стакан. Дракон понюхал, сделал глоток и подавился кашлем.

— Что это?!

— Рубиновый эль, — хмыкнула я. — Технический. С содержанием магического этанола. Крепче, чем твои драконы вина, в четыре раза.

— Ты могла предупредить!

— Могла. Но не захотела. Ты слишком самодовольный.

Он открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент к нашему столику подошёл Хромой Зик собственной персоной.

Это был невысокий, коренастый мужчина лет пятидесяти с совершенно лысой головой и протезом левой ноги,

который издавал характерное жужжание при каждом шаге. Его лицо было изуродовано шрамами от лабораторной аварии, а правый глаз заменял грубый оптический имплант. Но, несмотря на это, Зик улыбался — широко, дружелюбно, как старый знакомый.

— Вокс! — прогремел он, хлопая меня по плечу. — Сколько лет, сколько зим! А я уж думал, ты забыла старину Зика!

— Не дождёшься, Зик. — Я пожала ему руку. — Ты выглядишь... так же прекрасно.

— Врёшь. Я выгляжу как дерьмо, и ты это знаешь. — Он перевёл взгляд на Рейнхарта и прищурился. — А это что за птица? Сразу видно — не местный.

— Консультант из Межмирья, — коротко ответила я. — Помогает мне с делом.

— Консультант, значит. — Зик втянул воздух, и его оптический глаз сверкнул. — А пахнет как дракон. Да ещё и аристократ. Вокс, ты водишься с Верховными лордами? С каких пор?

— С недавних. Зик, у нас нет времени на расспросы. Ксавьер Нексус здесь. Он объявился в Нижнем Секторе час назад. Мне нужно знать, где он и что ищет.

При упоминании имени Ксавьера лицо Зика изменилось. Улыбка исчезла, сменившись жёстким, холодным выражени-

ем.

— Нексус, — процедил он. — Эта тварь снова здесь. Да, я слышал. Мои парни засекли его сигнатуру в Дырявом Котле — это подпольная лаборатория на минус пятом уровне. Он ищет пятый фрагмент «Потерянного Кода».

— Где хранится фрагмент?

— В коллегии техномагов. В старом бункере под Западным Коллектором. Но туда так просто не попасть. Коллегия поставила новую защиту. Биометрическую. Магическую. И, кажется, что-то ещё — мои парни не смогли пробиться.

Я выругалась.

— Что ещё за «что-то ещё»?

— Говорят, там включили генератор «белого шума». Он глушит любую разумную магию в радиусе ста метров. Твой дракон туда не пройдёт. — Зик покосился на Рейнхарта. — Без обид, чешуйчатый.

— Я не обижаюсь на правду, — ровно ответил Рейнхарт. — Но должен заметить, что моя магия — не «разумная» в вашем понимании. Она — драконья. Это разные категории.

— В «белом шуме» нет разницы, — возразил Зик. — Поверь, я знаю. Я сам потерял ногу из-за такой штуки. Хотел обезвредить, а она сожрала мои защитные чары вместе с половиной лаборатории.

Я задумалась. Генератор «белого шума» — это серьёзно. Его используют для защиты важнейших объектов от магических атак. Если коллегия поставила такой на входе в бункер, значит, они ждали Ксавьера. Или кого-то похожего.

— Мне нужно оружие, — сказала я наконец. — Что-то, что пробьёт генератор.

— У меня есть кое-что на складе, — кивнул Зик. — ЭМИ-граната с магическим зарядом. Вырубает электронику и ослабляет магические поля. Дорогая игрушка, но для тебя, Вокс, — скидка. За старые времена.

— По рукам.

Пока Зик ходил за гранатой, я повернулась к Рейнхарту. Он сидел неподвижно, вертя в пальцах стакан с недопитым элем, и, кажется, о чём-то напряжённо думал.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да. Просто анализирую. — Он поднял глаза, и в них мелькнуло что-то новое. Не ирония. Не холодный расчёт. Что-то тёплое и немного грустное. — Ты здесь своя. Я вижу это. Каждый встречный знает тебя. Уважает. Или боится. Ты ориентируешься в этом хаосе как рыба в воде. А я... я здесь беспомощен. Впервые за триста лет.

— Это не беспомощность, — сказала я. — Это просто

другой мир.

— Ты понимаешь, о чём я. Я привык быть тем, кто решает проблемы. Тем, кто знает выход. А здесь я даже не могу пройти через дверь, не споткнувшись. — Он горько усмехнулся. — Ты, наверное, считаешь меня жалким.

Я посмотрела на него. На моего истинного. Который три часа назад блистал на брифинге, а теперь сидел в прокуренном баре, одетый в старую безрукавку, и выглядел потерянным. И вдруг поняла, что он не жалкий. Он просто... Пошёл за мной в чужой, враждебный мир. Без колебаний.

— Ты не жалкий, — тихо сказала я. — Ты просто в моём мире. А здесь правила мои. И я не дам тебя в обиду.

Он вскинул голову, и в его фиолетовых глазах мелькнуло удивление. Потом — тепло. Потом — что-то ещё, отчего метка на моём запястье запульсировала быстрее.

— Ты только что сказала, что защитишь меня? — переспросил он, и в его голосе прозвучала смесь недоверия и удовольствия.

— Не обольщайся. Это чисто профессиональное. Ты — консультант. Я отвечаю за твою безопасность.

— Конечно-конечно. Чисто профессиональное. — Он чуть улыбнулся. — Но я запомню.

— Запоминай. Скоро Зик вернётся с гранатой, и мы пойдём брать бункер. А до тех пор сиди и не привлекай внимания.

— Я всегда сижу и не привлекаю внимания.

— Ага. Именно поэтому все в баре пялятся на тебя.

Рейнхарт оглянулся. Действительно, несколько посетителей — в основном девицы с разноцветными имплантами и агрессивным макияжем — смотрели на него с откровенным интересом. Одна из них, девушка с неоново-розовыми волосами и протезом руки в виде щупальца, откровенно облизала губы.

— Они смотрят на меня как на добычу, — констатировал Рейнхарт.

— Потому что ты — добыча. Свежее мясо. Дракон в техно-клубе — это как единорог в борделе. Все хотят посмотреть, все хотят потрогать.

— Потрогать?

— А ты думал, здесь галантные леди из Сапфировых? Нижний Сектор — это тебе не высший свет. Здесь люди берут то, что хотят, без лишних церемоний.

Не успела я договорить, как розоволосая девица отделилась от своей компании и направилась к нам. Двигалась она плавно, как хищница, и её щупальце-протез извивалось в

такт шагам.

— Привет, красавчик, — промурлыкала она, останавливаясь у нашего столика и глядя исключительно на Рейнхарта. — Ты новенький? Я тебя раньше не видела.

— Я... проездом, — ответил Рейнхарт, бросая на меня быстрый взгляд.

— Проездом? Жаль. Такой симпатичный. — Она наклонилась ближе, и её протез потянулся к его плечу. — Может, хочешь познакомиться поближе? У меня отличный генератор иллюзий наверху. Могу показать тебе такое, что в твоём мире и не снилось.

Внутри меня что-то взорвалось.

Это было не раздражение. Это была чистая, животная, ослепляющая ярость. Моя дракониха — та самая, которую я до сих пор отказывалась признавать, — встала на дыбы и зарычала. Моё. Не трогай. Убери свои грязные щупальца от моего самца, или я вырву их с корнем.

Я сама офигела от этой мысли. Но остановиться уже не могла.

— Он занят, — ледяным тоном произнесла я, вставая и закрывая Рейнхарта собой. — И ему не интересно.

Девушка перевела взгляд на меня, и её улыбка стала жёсткой.

— А ты кто? Его телохранитель?

— Его женщина.

Слова вырвались сами. Я не планировала произносить их. Они просто слетели с языка, и метка на моём запястье вспыхнула серебристо-фиолетовым светом, как подтверждение. Девушка посмотрела на метку, потом на меня, потом на Рейнхарта, и отступила на шаг.

— Ладно-ладно, — процедила она, поднимая руки в примирительном жесте. — Не кипятись, сестра. Не знала, что он под меткой. — Она развернулась и бросила через плечо: — Но будь аккуратнее. Твой самец светится магией на весь клуб. Не я, так другая попробует.

Она ушла. Я осталась стоять, тяжело дыша, и чувствовала, как моя дракониха постепенно успокаивается. А потом я осознала, что только что сказала. «Его женщина». Я назвала себя его женщиной. Вслух. При свидетелях. При нем.

Медленно, очень медленно я обернулась. Рейнхарт сидел неподвижно, и на его лице было выражение, которое я не

могла расшифровать. Удивление? Радость? Торжество? Да, определённо, там было торжество. И что-то ещё. Что-то, отчего его зрачки расширились, а чешуя на скулах проступила ярче.

— «Его женщина», — повторил он тихо. — Ты назвала себя моей женщиной.

— Это была тактическая необходимость! — рявкнула я. — Чтобы она отстала!

— Конечно. Тактическая. — Он поднялся и шагнул ко мне. Теперь мы стояли почти вплотную. — Такая же тактическая, как твоя ярость, когда она меня коснулась?

— Это была...

— Профессиональная реакция? Рефлекс? — он чуть наклонился, и его дыхание коснулось моей щеки. — Лайра, твоя дракониха только что встала на мою защиту. Это нельзя списать на рефлекс.

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Он был слишком близко. Его запах — лаванда, книги, драконий мускус — окутал меня. Его глаза горели фиолетовым огнём. Его рука, лежавшая на столе, была в сантиметре от моей, и метки на наших запястьях пульсировали в унисон.

— Рейнхарт... — начала я.

— Я знаю, — перебил он, и его голос опустился до низко-

го, хриплого шёпота. — У нас нет времени. Скоро вернётся Зик. Мы идём брать бункер. Но... — он замолчал, тяжело сглотнул, и я увидела, как напряглись мышцы на его шее. — Я хочу, чтобы ты знала одну вещь.

— Какую?

— Если бы мы были не в баре, а где-нибудь... в другом месте... я бы не сдержался.

У меня перехватило дыхание.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что моя драконья сущность не просто пробудилась, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Она требует. Метка становится сильнее с каждой минутой, пока мы рядом. И сейчас, когда ты стоишь так близко, когда ты назвала себя моей женщиной, когда твоя дракониха защищала меня... — он снова сглотнул, и я увидела, как его чешуя пошла волной по рукам, от запястий до локтей. — Я хочу тебя. Так, что больно.

Внутри меня всё перевернулось. Дракониха внутри заурчала. Она хотела того же. Хотела его. Хотела, чтобы он прикоснулся. Чтобы сделал это прямо здесь, невзирая на бар, на прохожих, на Зика, который мог вернуться в любой момент.

— Рейнхарт... — повторила я, но уже совсем другим тоном.

— Я знаю, — сказал он, и его рука наконец накрыла мою. Тепло. Сила. Обещание. — Не сейчас. Сначала дело. Но когда всё закончится...

— Когда всё закончится, — перебила я, пытаюсь вернуть себе контроль, — мы вернёмся к обсуждению этого вопроса.

— Обсуждению? — он улыбнулся, и улыбка была полна предвкушения. — Я бы назвал это иначе.

— Как?

— Испытанием. — Он поднёс мою ладонь к своим губам и поцеловал костяшки — мягко, почти целомудренно. — Я хочу посмотреть, как долго ты сможешь притворяться, что тебе всё равно.

От поцелуя по моей руке пробежала дрожь. Я хотела отдёргнуть руку, но не смогла. Потому что в этот момент дракониха внутри меня — моя проклятая дракониха — вздохнула от удовольствия и свернулась клубком у меня в груди.

— Я не притворяюсь, — прошептала я.

— Вот и хорошо.

В этот момент за моей спиной раздалось выразительное покашливание. Мы обернулись. Хромой Зик стоял в двух шагах, держа в руках небольшой металлический цилиндр, и

смотрел на нас с таким видом, будто застукал подростков в туалете.

— Извиняюсь, что прерываю, — сказал он, — но я принёс гранату. И если вы закончили свои голубиные нежности, может, займёмся делом?

— Мы не...

— Конечно, — перебил меня Рейнхарт, выпрямляясь и поправляя воротник. — Мы уже идём. Спасибо за помощь, Зик.

Зик хмыкнул и протянул мне цилиндр.

— ЭМИ-граната. Активируется вот здесь. Радиус поражения — десять метров. Вырубит всё нахрен — и генератор, и защиту, и мозги любому, кто окажется слишком близко. Будь осторожна.

— Спасибо.

— Не за что. — Зик хлопнул меня по плечу и добавил, понизив голос: — И, Вокс... он хороший. Я чую такие вещи. Не упusti.

— Я не...

— Не спорь. Просто прими факт.

Он развернулся и захромал обратно в толпу. Я осталась стоять с гранатой в одной руке и с ощущением, что весь мир перевернулся, в груди. Рейнхарт стоял рядом, и его метка пульсировала в такт моей.

— Идём, — сказала я наконец. — Бункер ждать не будет.

— Конечно, — ответил он, и в его голосе всё ещё звучала та самая, невозможная, раздражающая усмешка. — Веди меня, моя женщина.

Я развернулась и молча двинулась к выходу. Но у самой двери не удержалась и бросила через плечо:

— Я не твоя женщина.

— Конечно, — повторил он. — Это тактическая необходимость. Я помню.

— Заткнись.

— Как скажешь.

Мы вышли в кислотный дождь, и я почти улыбнулась. Почти. Потому что, чёрт возьми, этот дракон действительно начинал мне нравиться. И это пугало меня больше, чем Ксавьер, бункер и «белый шум» вместе взятые.

Визуалы. Сопоставление героев

Очевидная разница в размерах и росте

Глава 5. Пламя под кожей

Глава 5. Пламя под кожей

Рейнхарт

Столько лет я считал себя хозяином своих инстинктов. Я был аналитиком. Дипломатом. Тем, кто решает проблемы разумом, а не когтями. Я изучал свои желания, как изучают редкие артефакты: внимательно, методично, с холодным интересом. И я был уверен — по-настоящему уверен, — что никакая метка, никакая магия крови не заставит меня превернуться в зверя.

Как же я ошибался.

Сейчас, стоя посреди прокуренного техно-клуба «Хромированный змей» с запахом дешёвого алкоголя в ноздрах и с пульсирующей меткой на запястье, я чувствовал, как мой дракон рвётся наружу. Не просто рвётся — требует. Требует её. Мою истинную. Мою Лайру, которая только что назвала себя моей женщиной перед незнакомкой с щупальцами, и едва не вцепилась ей в глотку.

Я смотрел на Лайру — она стояла ко мне спиной, разго-

варивала с Хромым Зиком о какой-то гранате, — и не мог думать ни о чём, кроме желания прижать её к стене, зарыться лицом в её синие волосы и сделать то, чего хотел с первой минуты нашей встречи. Взять. Пометить. Сделать своей по-настоящему.

Я сжал кулаки. Чешуя на предплечьях проступила мгновенно — сапфирово-фиолетовая, горячая, пульсирующая. Я чувствовал, как она расходится волной от запястий к плечам, к груди, к вискам. Ещё немного — и я потеряю человеческий облик. Прямо здесь. В баре, полном подозрительных личностей.

«Спокойно», — приказал я себе. — «Ты — Верховный лорд. Ты всегда контролировал свои инстинкты. Контролируй и сейчас».

Но дракон внутри меня только рассмеялся. «Ты столько лет ждал, — пророкотал он. — Ты был один. А теперь она здесь. Она защищала тебя. Она назвала себя твоей. И ты хочешь ждать дальше?» Я не ответил. Потому что ответ был очевиден: нет. Нет, я не хотел ждать. Я хотел её так.. Так, что эта боль физически скручивала внутренности и мешала дышать. Так, как, должно быть, Кайдану было больно в те первые дни, когда Адэль только появилась в нашей жизни.

Кайдан. Я вдруг вспомнил его — Верховного лорда, моего друга, моего соперника, моего вечного оппонента в Совете. Я помнил, как он стоял в храме в день прерванной свадьбы и смотрел на женщину, свалившуюся с потолка. Я тогда ещё подумал: «Боги, он выглядит так, будто его молнией ударило». А потом появилась метка, и Кайдан — ледяной, невозмутимый Кайдан, который никогда не терял самообладания на Совете, — начал вести себя как зверь.

Я помню, как он разнёс тренировочный зал, когда Адэль впервые коснулась его. Помню, как он рычал на меня, когда я слишком долго смотрел на неё. Помню, как он признался однажды ночью, за бутылкой рубинового вина: «Я не могу думать ни о чём, кроме неё. Это хуже, чем одержимость. Это как голод, который не утолить».

Тогда я посмеялся над ним. «Ты просто не умеешь контролировать своего дракона», — сказал я. «Поживёшь с моё — поймёшь», — ответил он.

И вот я живу с его. И понимаю.

Теперь я знаю, что он чувствовал. Каждую минуту. Каждую секунду. Этот голод. Это безумие. Это желание, которое не ослабевает, а только усиливается с каждым часом, проведённым рядом с ней. И самое ужасное — я не хотел, чтобы

это прекращалось. Я хотел её. Всю. Без остатка. И плевать на последствия.

Но давайте по порядку. Если я чему-то и научился за две сотни лет, так это анализировать свои эмоции, а не просто проживать их. И сейчас, пока Лайра заканчивала разговор с Зиком, я позволил себе на мгновение отмотать назад и перебрать в памяти всё, что привело меня к этому моменту.

Квартира. Её старая квартира в Жестяной Петле. Мы зашли туда только затем, чтобы взять снаряжение — Лайра назвала это место «перевалочной базой», конспиративной точкой, которую она держит на случай, если прилетает на Арканис по работе.

Однако я не мог не заметить, насколько продумана эта старая квартира. Ничего лишнего. Каждая вещь на своём месте. Запасной генератор, настроенный на её магическую сигнатуру. Тайник с парализаторами и обоями. Аптечка с препаратами, которых нет в свободной продаже. Всё говорило о том, что передо мной — профессионал. Не просто оперативник, а человек, который годами жил в режиме постоянной боевой готовности. Человек, который не доверяет никому.

И я начал понимать её грубость. Её резкость. Её манеру

отталкивать всех, кто подходил слишком близко. Она не родилась такой. Её сделала такой жизнь. Жизнь в мире, где слабых съедают. Где каждый, кто проявляет к тебе интерес, может оказаться врагом. Где даже наставник, человек, которому ты верила больше всех, оказывается психопатом и предателем.

Теперь я знал эту историю. Лайра рассказала её мне вчера, после провала в хранилище. Рассказала скупой, короткой, не глядя в глаза, но от каждого её слова у меня внутри что-то сжималось. Маленькая девочка из Приюта № 47. Подопечная класса F, без документов, без генетических маркеров, без истории. Одарённая. Потрясающе одарённая. И одинокая настолько, что любой, кто улыбался ей, становился божеством.

Её наставник. Ксавьер Нексус. Человек, которого она любила как отца. Который учил её всему. Который говорил ей, что она «потрясающая». И который потом оказался убийцей, использовавшим её доверие для своих целей.

Когда она рассказывала это, я чувствовал её эмоции через метку. Не просто слышал слова — чувствовал. Всю эту старую, застарелую боль. Чувство вины. Чувство стыда. Чувство потери, с которым она жила годами. И я понимал её грубость. Её нежелание подпускать меня ближе. Она боялась, что я ока-

жусь таким же, как Ксавьер. Что я использую её. Что я предаю.

И я поклялся себе в тот момент: я не предаю. Никогда. Ни за что. А ещё меня не отпускала мысль.

Ртутный дракон. Она была ртутным драконом.

Когда Ксавьер произнёс это в хранилище, я не сразу осознал значение его слов. Слишком много всего происходило одновременно: его атака, необходимость защищаться, взломанная дверь, побег. Только потом, когда мы остались вдвоём, и Лайра, запрокинув голову, выпила энергетик одним жадным глотком, я начал прокручивать в голове этот термин. Ртутный дракон. Вымерший род Меркурианов. Я слышал о них. Разумеется, слышал — я был главой Аметистового рода и хранителем архивов, я знал о драконьей истории больше, чем кто-либо из ныне живущих. Но знал я ничтожно мало.

Они всегда были загадкой. В то время как остальные рода — Сапфировые, Рубиновые, Изумрудные, Золотые — владели стихиями, огнём, землёй, воздухом, Меркурианы владели чем-то иным. Их магия не горела и не гремела. Она текла. Она просачивалась сквозь любые преграды, принимала любую форму, сливалась с любым материалом, будь то камень,

металл или живая плоть. Их чешуя, говорили, была не твёрдой, а жидкой, переливающейся, как ртуть, и могла застыть или становиться текучей по желанию дракона. Они были мастерами изменений. Мастерами адаптации. И именно эта их способность стала причиной их гибели.

Потому что Меркурианы были единственным родом, чья магия могла сливаться с технологией. Не сосуществовать, не взаимодействовать — именно сливаться, образуя нечто третье, гибридное, невиданное. Другие рода боялись этого. Боялись, что Меркурианы создадут оружие, против которого не устоит никакая чистая магия. Боялись, что они нарушат баланс сил. И, как это обычно бывает со страхом, он превратился в ненависть. Род Меркурианов истребили. Не в одну ночь, как Золотых, — медленно, методично, на протяжении столетий. Их выслеживали, загоняли, уничтожали целыми гнёздами. К моему рождению их уже считали вымершими. Я никогда не встречал ни одного живого Меркуриана и полагал, что они — лишь строчки в древних хрониках.

И вот теперь моя истинная, моя Лайра, стояла в двух шагах от меня — живое опровержение истории. Наполовину человек, наполовину дракон, но при этом — чистокровная Меркурианка, насколько я мог судить по её ауре. Её дракониха спала, задавленная каким-то техномагическим блоком, но даже во сне она источала этот странный, текучий, ртут-

ный аромат. Я чуял его с первой минуты, просто не знал, как интерпретировать.

Теперь я знал. И теперь у меня было в разы больше вопросов, чем ответов.

Кто наложил на неё блок? Был ли это сам Ксавьер — в детстве, когда ещё притворялся добрым наставником? Или это сделали раньше, когда Лайра была младенцем и её подбросили в Приют № 47? Если её род истребили столетия назад, как выжила её линия? Где скрывались её предки все эти годы? И, главное, — какие способности она обретёт, когда её дракониха проснётся полностью? Я этого не знал. Ничего не знал.

Я вспомнил, как она взломала магические печати в моём хранилище. Мы сделали это вместе, но я чувствовал: её вклад был решающим. Её магия не пробивала печати — она просачивалась сквозь них, как вода сквозь трещины, и разрушала изнутри. Это было невероятно. Этого не мог сделать никто из известных мне драконов. Только Меркурианка.

Я должен был изучить этот вопрос. Вернуться в архивы, поднять все записи, все легенды, все упоминания о ртутном роде. Поговорить со старейшинами — теми немногими, кто ещё помнил древние хроники. Возможно, даже с Нефрито-

выми, чьи архивы были самыми древними. Я должен был знать, что ждёт Лайру после полного пробуждения. Какие силы она получит. Какие опасности ей грозят. И как я могу защитить её — не только от Ксавьера, но и от мира, который когда-то уничтожил весь её род за одно лишь право существовать.

Но была и другая сторона. Та, о которой я не говорил ей. Моя собственная история. Моё собственное одиночество.

Я родился в Аметистовом роде двести двадцать лет назад. Мой отец был главой рода — сильным, мудрым драконом с глазами цвета грозового неба. Моя мать — прекрасной, тихой женщиной, которая пахла лавандой и старыми книгами (теперь этот запах навсегда со мной). У меня было две сестры, младшие, которых я обожал, и старший брат, который должен был наследовать титул, но погиб в межродовой войне с Рубиновыми, когда мне было пятьдесят. Пятьдесят — это почти детство по драконьим меркам.

Война забрала не только брата. Через десять лет эпидемия магической чумы — редкой, почти невозможной — унесла моих родителей и одну из сестёр. Мы остались вдвоём с последней сестрой, Лией. Она была самой младшей, самой нежной, самой ранимой. Я поклялся защищать её. И я защищал. Двадцать лет. Пока она не встретила своего дракона из

Топазового рода — и не ушла в его клан.

Я остался один.

Не сразу. Постепенно. Сначала Аметистовый род ещё держался. У нас были поместья, вассалы, место в Совете. Но с каждым десятилетием нас становилось меньше. Драконы моего рода всегда были аналитиками, а не воинами. Мы умели чутать, но не умели сражаться так, как Сапфировые или Рубиновые. Нас уважали за мудрость, но не боялись. А в мире, где сила решает всё, уважения недостаточно.

К моему ста пятидесятилетию Аметистовый род сократился до одного дракона. До меня. Я стал Верховным лордом без клана. Главой без народа. Хранителем архивов, которые никто не читал.

Я с головой ушёл в работу. В дипломатию. В расследования. В Межмировой Совет. Я стал лучшим аналитиком в известных мирах. Я чуял ложь за километр и распутывал заговоры, которые ставили в тупик целые отделы. Но по ночам, когда я возвращался в пустой родовой замок, меня встречала тишина. Только тишина.

Я не верил в истинные пары. Слишком больно было верить. Двести лет — долгий срок, чтобы убедить себя, что ты

не нуждаешься в любви. Что ты самодостаточен. Что тебе никто не нужен. Но когда я увидел метку Кайдана, когда я наблюдал, как он смотрит на Адэль, как он меняется рядом с ней, — что-то внутри меня треснуло. Не зависть. Нет. Скорее, надежда. Глупая, иррациональная надежда, что, может быть, магия крови и для меня предназначила кого-то. Может быть, где-то в бесконечных мирах существует женщина, которая станет моей.

Я не верил в это по-настоящему. Слишком привык к одиночеству. И когда я вошёл в кабинет Адэль и увидел Лайру — синеволосую, грубую, колючую, с кибернетическим взглядом и запахом грозы, — мой разум сказал: «Невозможно». А мой дракон взревел: «МОЯ».

С того момента я изменился. Не сразу — постепенно. Сначала я пытался вести себя как обычно: иронично, отстранённо, с лёгкой усмешкой. Я говорил ей комплименты и делал вид, что всё под контролем. Но с каждой минутой, проведённой рядом с ней, контроль ускользал.

Я помню, как впервые коснулся её запястья. Вспышка. Боль. Наслаждение. Метка врезалась в кожу, как раскалённое клеймо, и я почувствовал её — её сердце, её дыхание, её страх и её надежду, спрятанную глубоко-глубоко под слоями брони. Мой дракон застонал от облегчения. Он ждал. И

дождался.

А потом была та сцена в офисе, когда Валерия Флинт коснулась меня. Я почувствовал прикосновение её пальцев к своей шее — и оно было никаким. Ни тёплым, ни холодным, ни приятным, ни отвратительным. Просто прикосновение постороннего предмета. Как если бы на меня села муха. Я даже не сразу понял, почему Лайра так взбесилась. А когда понял — испытал странное, тёплое удовлетворение. Её дракониха проснулась. Её дракониха защищала меня. Значит, связь работает. Значит, я не просто навязанный меткой спутник. Я — её.

И, наконец, сегодняшняя сцена в баре. Та, которая едва не сломала мой контроль окончательно.

Когда та девица с розовыми волосами и протезом-щупальцем подошла ко мне, я почувствовал лишь лёгкую брезгливость. Не потому что она была уродлива — она не была. Но она была не Лайрой. И мой дракон, мой проклятый, изголодавшийся дракон, не хотел никого, кроме неё.

А потом Лайра встала между мной и незнакомкой. И сказала: «Он занят». И ещё: «Его женщина». Эти слова ударили меня, как разряд. Как молния. Как та первая вспышка метки. Я почувствовал, как внутри всё сжалось, а потом взорва-

лось. Мой дракон — тот самый, которого я контролировал, встал на дыбы и взревел.

«Моя. Она сказала, что она моя. Возьми её. Прямо сейчас. Прямо здесь. Покажи всем, что она твоя».

Я едва не сорвался. Чешуя пошла волной по рукам, плечам, спине. Крылья — я почувствовал, как они рвутся наружу из-под лопаток, — требовали выхода. Я представил, как разворачиваю Лайру к себе, как прижимаю её к стойке бара, как срываю с неё эту кожаную косуху, как провожу языком по её шее, там где бьётся пульс, где пахнет горячим металлом. Как она выгибается подо мной и продолжает спорить — даже сейчас, даже на грани, — и как я затыкаю её рот поцелуем.

Я представил, как беру её. Прямо там, в баре. При всех. Чтобы все видели: она моя. Моя истинная. Моя женщина.

И я бы сделал это. Если бы не остатки того, что ещё осталось от холодного аналитика. Тонкий, едва слышный голос разума: «Ты — лорд. Ты — дипломат. Ты не можешь взять свою истинную в грязном баре, как животное».

Я вцепился в этот голос, как в спасательный круг. И он помог. Я удержался. Я только поцеловал её костяшки — мяг-

ко, почти целомудренно, — хотя внутри меня всё пылало. И сказал: «Когда всё закончится».

Но я знал: если всё не закончится в ближайшее время, я не выдержу. Мой дракон не выдержит. Он уже сейчас из последних сил держит себя в узде.

Теперь я понимал Кайдана. По-настоящему понимал. Я считал его несдержанным. А он был просто живым. Живым драконом, который нашёл свою пару и не мог, не хотел сопротивляться зову крови.

И я больше не хотел сопротивляться.

Зик наконец ушёл, оставив Лайре гранату. Она повернулась ко мне, и я увидел, что она всё ещё взвинчена. Её щеки пылали, метка пульсировала, а руки, сжимавшие цилиндр, мелко дрожали. Она тоже чувствовала это. Тоже была на грани. Но, как всегда, пряталась за работой.

— Идём, — отрывисто сказала она. — Бункер. Коллегия техномагов. Ксавьер.

— Идём, — согласился я.

Мы двинулись к выходу из клуба. У двери я на мгнове-

ние задержался, пропуская её вперёд, и тихо, одними губами произнёс:

— Когда всё закончится, Лайра, я покажу тебе, что значит быть моей женщиной по-настоящему.

Она споткнулась. Я знал, что она слышала. Дракониха внутри неё слышала тоже. И её молчание было громче любых слов.

Мы вышли в кислотный дождь и ночной Арканис. Впереди был бункер, генератор «белого шума», Ксавьер и пятый фрагмент «Потерянного Кода». Впереди была битва. Но для меня впереди было кое-что ещё. То, ради чего я готов был ждать триста лет, но не готов был ждать больше ни минуты. Она. Моя истинная. Моя Лайра. И я больше не позволю никому — ни Ксавьеру, ни судьбе, — встать между нами.

Глава 6. Бункер

Глава 6. Бункер

Лайра

Западный коллектор встретил нас тишиной. Это была плохая тишина — не спокойная, не умиротворённая, а та, что бывает в местах, где давно не ступала нога живого. Где даже крысы и дроны-уборщики обходят стороной. Где воздух пахнет ржавчиной, застоявшейся водой и ещё чем-то, что я предпочла бы не опознавать.

— Ты уверена, что это здесь? — спросил Рейнхарт, вглядываясь в темноту.

— Зик не ошибается. Бункер коллегии техномагов находится под пятым сливным резервуаром. Единственный вход — через технический туннель, который начинается вон за той решёткой.

— За той решёткой, которая под напряжением?

— Именно.

Рейнхарт вздохнул. За последние часы он научился не спорить со мной, когда дело касалось моего мира, но его драконья натура всё ещё протестовала против каждого второго моего решения. Особенно тех, которые включали электричество, кислоту и подозрительные механизмы.

— Я отключу питание, — сказала я, доставая из тактического пояса портативный дешифратор. — А ты пока стой на стрёме. И не касайся металлических частей. Здесь всё под напряжением.

— Я уже понял, — сухо ответил он, бросая взгляд на свою обожжённую перчатку. Десять минут назад он схватился за перила, которые оказались частью системы электрозащиты. Вспышка была красивая, но запах палёной чешуи до сих пор висел в воздухе.

Я присела у решётки и принялась за работу. Дешифратор пискнул, считывая коды доступа. На голографическом экране побежали строчки данных. Стандартный протокол коллегии, уровень четыре. Я взломала его за три минуты. Всё-таки Ксавьер хорошо меня учил.

Решётка с шипением отъехала в сторону. За ней открылся туннель — узкий, круглый, похожий на кишку гигантского зверя. Стены были покрыты слизью и какой-то органикой.

— Нам туда? — спросил Рейнхарт с непередаваемым выражением лица.

— Туда. Ты боишься испачкать камзол?

— Я не боюсь испачкать камзол. Я боюсь, что эта слизь разъест его. Ты знаешь, сколько стоит ткань, сотканная из магического шёлка?

— Меньше, чем наша жизнь, — отрезала я. — Шевелись, чешуйчатый.

Мы двинулись в туннель. Я шла первой, держа парализатор наготове и сканируя пространство кибернетическим глазом. Тепловизор показывал только холодные стены и слабые следы энергии впереди — там, где находился генератор «белого шума». Рейнхарт шагал сзади, и я слышала, как он едва слышно ругается сквозь зубы каждый раз, когда его плечи касались слизистых стен.

— Ты знаешь, что такое «белый шум»? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я знаю, что это устройство, глушащее магию, — ответил он. — В моих архивах есть записи о подобных арте-

фактах. Они использовались в межродовых войнах для нейтрализации вражеских заклинателей. Но те устройства были примитивными. Современные, насколько я понимаю, гораздо опаснее.

— Современный генератор «белого шума» не просто глушит магию. Он вытягивает её. Как насос. Если ты окажешься в радиусе действия, он высосет из тебя всё до капли. Твоя драконья сущность сколлапсирует, и ты превратишься в человека. Или в овощ. Зависит от мощности.

— Обнадёживает.

— Поэтому мы и взяли ЭМИ-гранату. Она вырубает генератор на несколько минут. За это время мы должны успеть проникнуть внутрь, найти фрагмент и убраться оттуда до того, как защита восстановится.

— А если не успеем?

— Тогда я вытащу тебя на себе. Ты слишком ценный, чтобы бросать.

Он фыркнул, но ничего не ответил. Я знала, что он улыбается. Чувствовала через метку.

Через пятьдесят метров туннель закончился массивной герметичной дверью с эмблемой коллегии техномагов — стилизованный глаз в шестерёнке. За ней гул генератора был слышен даже без усилителей. Я приложила к двери дешифратор и запустила протокол обхода.

— Готовься, — тихо сказала я. — Как только дверь откроется, генератор начнёт вытягивать твою магию. У тебя будет около тридцати секунд до того, как ты потеряешь сознание. Я активирую гранату раньше, но будь готов к боли.

— Я готов, — ответил он ровно.

— Врёшь. Но это хорошо. Значит, не раникуешь.

Дверь дрогнула и начала медленно отъезжать в сторону. В ту же секунду я почувствовала это — давление. Не физическое, а магическое. Как будто кто-то положил мне на грудь бетонную плиту и начал медленно надавливать. Мой кибернетический глаз замигал красным, предупреждая о критическом уровне магического излучения. Рейнхарт за моей спиной резко втянул воздух и пошатнулся.

— Держись, — бросила я, выхватывая ЭМИ-гранату.

Я дёрнула чеку и швырнула цилиндр в открывшийся про-

ём. Три секунды. Две. Одна.

Вспышка.

Взрыв белым светом и оглушительным звоном. Давление исчезло мгновенно — как будто кто-то сдёрнул бетонную плиту. Я моргнула, сбрасывая остаточные помехи с имплантов, и вбежала в бункер.

— За мной!

Рейнхарт последовал за мной, немного пошатываясь. Его аура, которую я теперь частично видела через связь метки, колебалась и мерцала, но быстро восстанавливалась. Генератор «белого шума» — огромная, пульсирующая машина в центре зала — замер, и его гул сменился тихим, умирающим жужжанием.

— Сколько у нас времени? — спросил он.

— Зик сказал — пять минут максимум. Двигаемся быстро.

Бункер коллегии был построен как лабиринт. Узкие коридоры расходились в разные стороны, стены были покрыты панелями с мигающими индикаторами, а воздух гудел от

скрытых механизмов. Где-то в глубине тихо щёлкали реле автоматической защиты. Я вела Рейнхарта по маршруту, который помнила по старым схемам — Зик переслал их мне ещё в баре.

— Направо, — скомандовала я. — Потом налево. Потом вниз по лестнице.

— Откуда ты знаешь план бункера?

— Я здесь была. Один раз. Давно. Когда Ксавьер ещё был моим наставником, он приводил меня сюда на экскурсию. Говорил, что когда-нибудь я стану членом коллегии и буду работать с ними над «великими проектами».

— Он готовил тебя к этому с детства, — мрачно заметил Рейнхарт. — Видел в тебе инструмент.

— Я знаю. Поэтому мы здесь.

Мы спустились по винтовой лестнице в нижний уровень. Здесь было холоднее, и воздух пах формальдегидом. Хранилище находилось в конце длинного коридора, за тройной дверью с биометрическим замком. Я приложила ладонь к сканеру и мысленно поблагодарила Хромого Зика за его связи в коллегии — он достал мне временный доступ.

Дверь открылась.

Хранилище было небольшим — круглая комната с высоким потолком и стенами, уставленными ячейками. В центре, на постаменте из чёрного обсидиана, лежал ларец. Точная копия того, что мы видели в архиве Рейнхарта. Пятый фрагмент.

— Есть, — выдохнула я. — Держи.

Я схватила ларец и обернулась к Рейнхарту. И в этот момент из тени у дальней стены раздался знакомый голос.

— Лайра. Моя дорогая ученица.

Ксавьер вышел на свет. Он был в облегающем техно-костюме, усиленном магическими вставками. Его протез светился зловещим белым светом. Разноцветные глаза — карий и белый — смотрели на меня почти ласково.

— Ты всё-таки пришла, — продолжил он. — Я знал, что придёшь. Ты всегда была предсказуема.

— А ты всегда был ублюдком, — ответила я, направляя на него парализатор. — Руки вверх. Не дёргайся.

— Или что? Ты выстрелишь? — он усмехнулся. — Твой парализатор не работает. Я модифицировал защитное поле специально под твою сигнатуру.

Я нажала на спуск. Ничего. Индикатор заряда мигнул и погас.

— Видишь? — Ксавьер развёл руками. — Ты предсказуема. Ты всегда полагаешься на технологию, Лайра.

Он шагнул ближе, и Рейнхарт мгновенно встал передо мной, закрывая собой.

— А, лорд Аметистовый. Ваша преданность трогательна. Но вы здесь чужой. Ваша магия — грубая, стихийная — не сравнится с моей. И, к тому же, — он кивнул на потолок, где снова начал нарастать гул, — генератор восстанавливается. Через минуту вы снова будете беспомощны.

— Тогда мы должны успеть за эту минуту, — спокойно ответил Рейнхарт и атаковал.

Аметистовое пламя вырвалось из его рук и ударило прямо в Ксавьера. Но тот выставил перед собой протез, и пламя рассеялось о невидимый барьер. Ксавьер рассмеялся.

— Предсказуемо! Все драконы одинаковы. Вы полагаетесь на грубую силу. А сила — это не только магия.

Он щёлкнул пальцами, и пол под нами задрожал. Из стен, из пола, из потолка выдвинулись десятки механических щупалец — охранных дроидов, усеянных миниатюрными излучателями. Они потянулись к нам, опутывая щиколотки, запястья, горло. Одно из них захлестнуло лодыжку Рейнхарта и рвануло в сторону, опрокидывая его на пол. Другое обвило мой торс и начало сжиматься, выдавливая воздух из лёгких.

— Видите? — Ксавьер наблюдал за нами со спокойным, почти научным интересом. — Я не хочу вас убивать. Особенно тебя, Лайра. Ты нужна мне. Ты — последний элемент. Пятый фрагмент «Кода» — это не просто артефакт. Это... ну, скажем так, активатор. Он позволяет запустить «Сингулярность». Но чтобы она работала, нужна живая ртутная сущность. Твоя сущность. Твоя сила. Твоя драконица.

— Ты хочешь вытянуть её из меня, — прохрипела я, борясь с щупальцами. — Как из тех жертв в твоей лаборатории. Овощей.

— О, нет-нет-нет. — Он покачал головой. — Те жертвы были лишь тестовыми образцами. У них не было того, что есть у тебя. Чистой ртутной магии. Наследия Меркурианов.

Если бы ты добровольно согласилась работать со мной, мы бы создали новый мир вместе. Ты стала бы королевой. Моей наследницей.

— Я скорее сдохну.

— Я знаю. — Он вздохнул, и в его голосе прозвучала почти искренняя печаль. — Поэтому я не прошу. Я просто возьму.

Щупальца сдавили сильнее. Перед глазами поплыли чёрные пятна. Где-то справа Рейнхарт рычал и метался в путах, но его магия угасала — генератор «белого шума» снова входил в силу, и аметистовое пламя на его руках становилось всё бледнее.

И в этот момент внутри меня что-то сломалось.

Не физически. Глубже. Там, где спала моя драконица, где годами дремала заблокированная магия. Я почувствовала толчок — как будто кто-то ударил изнутри в грудную клетку. Потом второй. Потом — волну холода и жара одновременно, разливающуюся от живота к плечам, к пальцам, к вискам.

Мир стал серебряным.

Я увидела, как мои руки светятся. Не просто светятся — они потекли. Кожа и мышцы на предплечьях стали полупрозрачными, жидкими, как ртуть, и от них отделились тонкие, извивающиеся щупальца из чистого серебряного света. Они не были частью меня — они были мной. Я чувствовала их, как чувствуют пальцы. Я управляла ими инстинктивно, даже не думая.

Щупальца рванулись вперёд. Одно из них рассекло механическую петлю на моём торсе. Второе отшвырнуло дроида, удерживавшего Рейнхарта. Третье, четвёртое, пятое — они атаковали, рубили, разрывали путы, и Ксавьер, стоявший в центре зала, отшатнулся. Впервые за всё время я увидела на его лице не насмешку — изумление.

— Невероятно, — выдохнул он. — Ты пробуждаешься. Раньше, чем я рассчитывал. Это... впечатляет.

— Заткнись, — прорычала я, и мой голос прозвучал глубже — с рычащими, драконьими обертонами.

Я поднялась. Щупальца вокруг меня извивались, как живые, и я чувствовала каждое из них. Это было странно. Это было страшно. И в то же время — восхитительно. Как будто я всю жизнь ходила с одной рукой, и вдруг у меня отросли ещё пять.

Ксавьер, пятясь, потянулся к своему протезу, и я поняла — он готовит портал.

— Стоять! — крикнула я, бросая щупальца вперёд.

Но он успел. Пространство за его спиной разорвалось чёрной воронкой, и Ксавьер, схватив ларец с пятого фрагментом, шагнул в неё. Прежде чем исчезнуть, он обернулся и посмотрел на меня.

— Ты прекрасна, Лайра, — тихо сказал он. — Ещё прекраснее, чем я ожидал. Жаль, что ты не со мной. Но это ненадолго. Скоро я приду за тобой. И тогда ты больше не будешь сопротивляться.

Портал схлопнулся. Ксавьер исчез. Вместе с пятым фрагментом.

В зале воцарилась тишина. Только гул генератора и потрескивание разрушенных дроидов. Я стояла посреди останков механизмов, тяжело дыша, и смотрела на свои руки. Серебряные щупальца медленно втягивались обратно, становились просто светом, потом гаснули, и под ними оказывалась обычная человеческая кожа. Моя кожа. Но что-то изменилось. Теперь я чувствовала её — дракониху. Она больше

не спала. Она бодрствовала и тихо, удовлетворённо урчала в глубине моей груди.

Рейнхарт поднялся и подошёл ко мне. Его одежда была порвана, на скуле красовалась свежая царапина, но глаза горели тем самым фиолетовым огнём, который я уже научилась узнавать.

— Ты использовала ртутную магию, — тихо сказал он. — Полноценную. Несколько секунд.

— Я не контролировала это. Оно само.

— Я знаю. Это был защитный инстинкт. Твоя драконица защищала тебя. — Он помолчал, вглядываясь в моё лицо. — И меня.

— Она защищала нас обоих, — поправила я, и от этих слов внутри потеплело. — Но Ксавьер сбежал. С пятым фрагментом. Теперь у него все пять.

— И теперь ему нужна только ты, — закончил Рейнхарт. — Он сам это сказал. Ты — последний элемент.

Я закрыла глаза. В голове крутились его слова: «ты нужна мне», «живая ртутная сущность», «я приду за тобой». Он не

отступит. Теперь, когда моя драконица начала пробуждаться, я стала для него ещё более ценной. И ещё более уязвимой.

— Значит, мы должны найти его раньше, чем он найдёт нас, — сказала я. — У нас нет времени ждать.

— Согласен. — Рейнхарт взял меня за руку, и метка на запястье отозвалась теплом. — Но сначала — вернёмся. Тебе нужно отдохнуть. Твоя драконица только что впервые проявила себя. Это выматывает. Я знаю, через что прошла Адэль после первого обращения. Тебе нужен покой.

— Покой? — я фыркнула. — У нас на хвосте психопат, который хочет вытянуть из меня сущность. Какой, к чёрту, покой?

— Тактический покой, — ответил он с лёгкой улыбкой. — Это когда ты спишь четыре часа, а потом снова идёшь спасать мир.

Я посмотрела на него, на его усталое, но решительное лицо, на его чешую, проступавшую на скулах, на его руку, всё ещё сжимавшую мою. И вдруг поняла: он прав. Не в том смысле, что мне нужен отдых, а в том, что я больше не одна. У меня есть он. И это меняет всё.

— Ладно, — сказала я. — Четыре часа. Но потом — Совет. Мы должны рассказать им о том, что случилось. И о том, что планирует Ксавьер.

— Договорились.

Мы двинулись к выходу из бункера. За нашими спинами догорали остатки дроидов, и генератор «белого шума» снова начал свой бесконечный, монотонный гул. Но я этого почти не слышала. Я слышала только тихое, довольное мурлыканье драконицы внутри меня, которая впервые за долгие годы знала: она жива. Она свободна. И она больше не одна.

Глава 7. Архив и пламя

Глава 7. Архив и пламя

Рейнхарт

Доклад в Межмировом офисе вышел коротким и мрачным. Я не любил признавать провалы, но факты были таковы: мы упустили Ксавьера во второй раз. Пятый фрагмент «Потерянного Кода» у него. Теперь в его распоряжении все пять частей древней формулы, и единственное, чего ему не хватает для запуска «Сингулярности», — это живая ртутная драконица. Моя Лайра.

Грегор выслушал нас молча, только желваки на скулах ходили. Валерия Флинт, присутствовавшая на брифинге, впервые за всё время не отпустила ни одной колкости. Даже она понимала: ситуация вышла из-под контроля.

— Значит так, — подвёл итог Грегор, когда я закончил. — Нексус ударил в бункере, забрал фрагмент и объявил охоту на Вокс. Мы не знаем, где он сейчас и когда нанесёт следующий удар. У нас нет нитей, нет зацепок, нет времени.

— У нас есть я, — тихо сказала Лайра. — Он придёт за

мной. Это значит, мы можем устроить засаду.

— Использовать тебя как приманку? — Грегор покачал головой. — Слишком рискованно. Ты — наш лучший оперативник по техномагии, и теперь ещё и объект охоты. Я не могу тобой рисковать.

— Я не спрашиваю разрешения.

— Вокс...

— Я сказала: я не спрашиваю, — отрезала она. — Ксавьер — моя ответственность. Я упустила его дважды. Третьего раза не будет.

Я смотрел на неё и чувствовал через метку сложный коктейль эмоций: ярость, решимость, вину. Она винила себя за то, что он сбежал. За то, что не остановила его раньше. За то, что вообще поверила ему когда-то. Я хотел сказать ей, что это не её вина, но знал — она не услышит.

Вместо этого я сделал то, что делаю лучше всего: начал анализировать.

Итак, что мы имеем? Ксавьер с пятью фрагментами Ко-да обладает огромной силой, но пока неполной. Ему нужна

Лайра. Он будет искать её — скорее всего, попытается похитить, как уже пытался в хранилище. Арканис-Прайм, её родной мир, для него слишком удобен: он знает его, знает её старые убежища, знает её слабости. Если она останется там, он найдёт её раньше, чем мы успеем подготовиться.

Значит, ей нельзя оставаться в Арканисе. Ей нужно уйти туда, где Ксавьер не сможет достать её так легко. Туда, где моя магия на пике. Туда, где я смогу защитить её по-настоящему.

В драконий мир. В Аметистовый замок.

Я не сказал ей об этом прямо. Знал, что она воспримет это как покушение на её самостоятельность. Лайра Вокс не из тех, кто прячется. Она из тех, кто идёт в атаку. Но сейчас атака без подготовки была бы самоубийством.

Поэтому я применил хитрость.

— Есть ещё один аспект, о котором мы не поговорили, — произнёс я, когда Грегор объявил перерыв. — Твоя драконица. То, что случилось в бункере, — ты частично пробудилась. Но пробуждение было спонтанным, неконтролируемым. Ты сама сказала: «оно само». Чтобы использовать эту силу осознанно, чтобы противостоять Ксавьеру, ты должна

ПОНЯТЬ, КТО ТЫ.

— Я знаю, кто я, — возразила Лайра. — Я — Лайра Вокс, опер Межмирового патруля.

— Ты — Лайра Вокс, последняя из рода Меркурианов, — поправил я. — И ты почти ничего не знаешь о своём наследии. О том, почему твоя магия течёт, а не горит. Почему она сливается с технологией. Почему Ксавьер так одержим тобой.

— И что ты предлагаешь?

— Великий Архив Нефритовых, — сказал я. — Это старейшее хранилище знаний в драконьем мире. Там есть записи о всех родах, включая вымершие. О Золотых, о Теневых, о Меркурианах. Если мы хотим найти способ остановить Ксавьера, мы должны узнать как можно больше о твоём происхождении.

Она помолчала. Я видел, как в её глазах борется недоверие и любопытство. Любопытство победило.

— Ладно, фиолетовый. Идём в твой архив.

Я кивнул, скрывая облегчение. Она согласилась. Она бу-

дет в безопасности.

Великий Архив Нефритовых располагался в Зелёных горах, на границе драконьего мира и нейтральных территорий. Это было древнее сооружение, вырубленное прямо в скале, увитое мхом и светящимися лианами. Нефритовые драконы славились своей мудростью и долголетием: некоторые из них жили уже больше тысячи лет и помнили времена, когда Меркурианы ещё не были вымершими.

У входа нас встретил хранитель — немолодой нефритовый дракон по имени Таэр, с пронизательными зелёными глазами и длинной, почти до пояса, серебристой бородой. Он поклонился нам с достоинством, но без подобострастия: Нефритовые никогда не лебезили перед другими родами.

— Лорд Рейнхарт Аметистовый, — произнёс он. — Для меня честь снова видеть вас в наших стенах. И вы, — он перевёл взгляд на Лайру, — должно быть, та самая истинная, о которой шепчутся во всех Советах. Слухи летят быстрее драконьих крыльев.

— Я не «та самая», — отрезала Лайра. — Я просто Лайра Вокс.

— Просто Лайра Вокс, — повторил Таэр с лёгкой улыб-

кой, — которая является последней из рода Меркурианов, истинной парой лорда Аметистового и ключом к самой опасной формуле в истории. О да, определённо «просто».

Лайра бросила на меня убийственный взгляд. Я пожал плечами: «Я никому не рассказывал, они сами».

Таэр провёл нас вглубь архива. Это было место, от которого у меня, библиофила с трёхсотлетним стажем, перехватывало дыхание. Огромные залы, уходящие в темноту, терялись в перспективе бесконечных стеллажей. Свитки, книги, кристаллы памяти — миллионы единиц хранения, собранных за тысячелетия. Где-то вдали тихо гудели охранные чары.

— Записи о Меркурианах находятся в Секторе Вымерших Родов, — объяснил Таэр, ведя нас по лабиринту коридоров. — Они были оцифрованы около пятисот лет назад, но оригинальные свитки тоже сохранились. Должен предупредить: это не самое весёлое чтиво.

— Почему? — спросила Лайра.

— Потому что история вашего рода — это история геноцида, — тихо ответил Таэр. — Медленного, методичного, растянутого на столетия. То, что сделали с Золотыми два-

дцать лет назад, — это был один удар. Меркурианов же убивали постепенно. Как вырезают сорняк — с корнем.

Мы дошли до небольшой круглой комнаты, освещённой зеленоватым магическим светом. В центре стоял каменный стол, на котором уже были разложены несколько свитков и голографический проектор. Таэр кивнул на них.

— Здесь — всё, что сохранилось. Хроники, генеалогические древа, описания магических способностей. Изучайте. Я буду снаружи, если понадобится.

Он вышел, и мы остались вдвоём.

Лайра опустилась на стул и потянулась к первому свитку. Я сел напротив, наблюдая за ней. Через метку я чувствовал её напряжение. Ей было страшно. Она не показывала этого — ни голосом, ни лицом, — но её сердце билось быстрее обычного, и драконица внутри неё притихла, словно тоже боялась того, что мы можем узнать.

— Читай вслух, — попросил я.

Она развернула свиток и начала читать.

«Хроника рода Меркурианов, составленная летописцем

Нимусом Нефритовым в год 1782-й от Основания Совета».

Дальше шли описания. Сухие, академические, но от этого не менее жуткие.

Меркурианы были уникальны. Их магия не принадлежала ни к одной из стихий. Они не жгли огнём, не замораживали льдом, не двигали скалы. Их сила была в ином: они могли сливаться с материей, проникать в неё, изменять её структуру. Камень, металл, вода, дерево — всё поддавалось им. Они не носили оружия, потому что в их руках любая вещь становилась оружием. Они не строили крепостей, потому что любая стена для них была проницаема.

Их чешуя, говорилось в хрониках, была подобна жидкому зеркалу — текучей и твёрдой одновременно. В бою они могли становиться бесплотными, как туман, и обрушиваться на врага, как цунами. Их крылья отражали свет, создавая ослепительные вспышки. Их дыхание было не огнём, а серебристым паром, который разъедал любую материю.

Но главное — они могли сливаться с технологией. Там, где другие драконы полагались только на магию, Меркурианы создавали гибридные артефакты, машины, работающие на магической энергии, устройства, которые стирали грань между чудом и механикой. Это делало их непобедимыми. И

это же сделало их мишенью.

— «Другие рода опасались Меркурианов», — читала Лайра, и её голос дрожал. — «Их способность сливаться с материей считалась противоестественной. Совет Двенадцати объявил их магию запретной. Начались преследования. Те, кто не успел скрыться, были уничтожены. Те, кто скрылся, были выслежены. К году 2000-му от Основания Совета чистокровных Меркурианов оставалось менее дюжины. К 2100-му — ни одного. Род объявлен вымершим».

Я взял другой свиток. Генеалогическое древо. Огромное, ветвистое, но обрубленное. Линии обрывались одна за другой. Я вёл пальцем по именам — Аурелиан, Миранда, Квинтус, — и почти физически ощущал боль, стоявшую за этими записями. Каждое имя — жизнь. Каждая оборванная линия — смерть.

Но одна линия не обрывалась. Тонкая, почти невидимая, она уходила вниз, за пределы древа, к примечанию, написанному мелким почерком.

— «Последняя из известных чистокровных Меркурианок, леди Миранда Лунар, исчезла при невыясненных обстоятельствах в мире Арканис-Прайм. Предположительно, скрылась среди людей, приняв их форму. Дальнейшая судь-

ба неизвестна».

— Миранда Лунар, — повторил я. — Твоя прародительница. Она бежала в Арканис-Прайм, спряталась среди людей, родила детей. Её кровь разбавлялась поколениями, но магия Меркурианов никуда не делась. Она просто уснула. И ждала.

Я посмотрел на следующий свиток. Он был медицинским, датированным примерно временем рождения Лайры.

— «Объект: новорождённая женского пола, Приют № 47, Нижний Сектор. Биометрические показатели: аномальные. Магический фон: подавленный. Диагноз: спящая драконья сущность, заблокированная устройством типа МБ-7 (Магический Блокиратор, модель 7). Происхождение устройства неизвестно. Предположительно, имплантировано в младенчестве для сокрытия от потенциальных охотников».

Я замер.

— Устройство, — медленно произнёс я. — Не заклятие. Не магия. Кто-то вживил тебе блокиратор, когда ты была младенцем. В приюте.

Лайра побледнела.

— Кто? Кто мог это сделать?

— Тот, кто знал, что ты Меркурианка. Тот, кто хотел спрятать тебя. Или наоборот — сохранить до нужного момента. — Я встретил её взгляд. — Лайра, в твоих воспоминаниях есть что-то о том, кто принёс тебя в приют?

— Нет. Мне сказали, что меня нашли на пороге. Без документов, без имени. Компьютер присвоил мне имя из списка.

— Значит, тот, кто спрятал тебя, не хотел, чтобы тебя нашли. Даже ценой твоей памяти и твоей магии.

— И этим «кем-то» мог быть Ксавьер, — тихо сказала она. — Он уже тогда знал обо мне. Он уже тогда готовил меня. Как ресурс. Как инструмент.

Я видел, как её плечи напряглись, как пальцы сжались в кулаки. Через метку шла волна — гнев, боль, чувство предательства, смешанное со старым детским страхом. Её драконица внутри металась, не понимая, что происходит.

Я встал, обошёл стол и опустился перед ней на корточки. Взял её руки в свои.

— Лайра, — сказал я тихо. — Ты не инструмент. Ты не ресурс. Ты — последняя из великого рода. Ты — женщина, которая прошла через ад и не сломалась. И я не позволю никому — ни Ксавьеру, ни кому-либо ещё, — отнять у тебя то, что принадлежит тебе по праву.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы — впервые за всё время, что я её знал. Она не давала им пролиться, но я видел их. И это доверие — молчаливое, без слов, — стоило больше, чем любые клятвы.

— Ты говоришь красиво, фиолетовый, — прошептала она.

— Я говорю правду.

Я коснулся ладонью её щеки. Она не отдернулась. Я провёл большим пальцем по её скуле, там, где металлическая вязь импланта переходила в живую кожу. Её дыхание участилось. Через метку я чувствовал, как внутри неё нарастает что-то горячее, тягучее, неконтролируемое.

— Рейнхарт... — начала она.

— Да?

— Я не знаю, что со мной происходит. Когда ты рядом, я... — она замялась. — Моя дракониха. Она хочет...

— Она хочет того же, чего хочет мой дракон, — закончил я.

Я наклонился. Медленно. Давая ей время отстраниться, остановить меня. Она не остановила.

Наши губы встретились.

Её губы были горячими и требовательными, она отвечала мгновенно — сильно, жадно, без капли неуверенности. Мои руки обхватили её за талию, прижимая к себе. Её пальцы зарылись в мои волосы, распуская хвост, и через секунду она уже тянула меня к себе, углубляя поцелуй.

Я слышал, как мой дракон внутри взревел. Как её драконица ответила ему — серебристым, текучим зовом, похожим на пение. Наши метки на запястьях вспыхнули одновременно, и свет заполнил комнату — аметистовый и ртутный, сплетающиеся в единый, ослепительный узор.

Мысли, такие ясные обычно, превратились в кашу. Я не думал. Я чувствовал. Её вкус — кофе, металл, острое, уникальное послевкусие. Запах её кожи — машинное масло

и тот самый, нижний, ртутный аромат, который я учуял в первую же минуту. Её тело, прижатое ко мне, — гибкое, сильное, горячее.

Мои руки сжали её бёдра. Я прижал её к столу, не в силах остановиться. Свитки с хрониками Меркурианов разлетелись в стороны, но никому из нас не было до этого дела. Она выгнулась подо мной, и её стон — низкий, гортанный, — прозвучал как музыка. Драконья музыка. Зов самки к самцу.

Я провёл губами по её шее, чувствуя, как под кожей бьётся её пульс — быстрый, рваный. Она вцепилась в мои плечи, оставляя следы ногтей. Её ноги обвили мои бёдра, притягивая ближе.

— Рейнхарт, — выдохнула она, и в этом слове была мольба и требование одновременно.

— Я здесь, — прохрипел я, с трудом удерживая контроль.
— Я здесь, Лайра.

Ещё немного — и я бы взял её. Прямо там. На столе, усыпанном древними хрониками. И мой дракон внутри кричал: «Да! Давай! Она наша!»

Но я заставил себя остановиться. Дрожа, тяжело дыша, я отстранился и посмотрел на неё. Её глаза горели серебристым светом — не отражённым, собственным. Чешуя — ртутная, переливающаяся — проступала на предплечьях и висках. Она была на грани обращения. И прекрасна, как само мироздание.

— Почему ты остановился? — спросила она хрипло.

— Потому что я хочу, чтобы это было не просто животное желание, — ответил я, касаясь её лица. — Я хочу, чтобы это было всё. Полностью. Навсегда. Но для этого... — я запнулся, потому что мысль, которая только что пришла в голову, была слишком важной, чтобы озвучивать её вот так, срывающимся голосом.

— Для этого — что? — она смотрела на меня, ещё дыша прерывисто.

— Для этого нужно завершить связь, — тихо сказал я. — До конца. Как Адэль и Кайдан. Их брак скрепил метку и пробудил её драконицу окончательно. Ксавьер сказал, что твоя драконица была заблокирована устройством. Метка запустила пробуждение, но оно нестабильно. Частично. Чтобы снять блок полностью, чтобы ты могла контролировать свою магию, нам нужно завершить ритуал.

— Какой ритуал? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Брак, — сказал я. — Истинная пара становится неразрывной только после официального союза. Таков закон драконьей магии. Метка, скреплённая браком, ломает любые блоки. Адэль полностью пробудилась только после свадьбы с Кайданом. С тобой будет то же самое.

Она замолчала. Я видел, как в её глазах пробегают мысли — быстро, сталкиваясь, как бильярдные шары. Страх. Надежда. Сомнение. И снова страх — не перед Ксавьером, не перед древней магией, а перед тем, что она должна будет окончательно, бесповоротно довериться мне.

— Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж, — медленно произнесла она.

— Нет, — ответил я. — Я сообщаю тебе факт.

Она фыркнула — нервно, но почти весело.

— Ты удивительно самоуверенный тип, фиолетовый.

— Я знаю. Ты уже говорила.

— Повторю ещё. Много раз.

— Я надеюсь на это.

Она оттолкнула меня и села, поправляя растрёпанные волосы. Её щеки горели, метка пульсировала, но драконица внутри неё утихла — не уснула, но успокоилась. Она доверяла моему дракону. И это было началом чего-то большего.

— Значит, брак, — сказала она деловым тоном, возвращаясь к реальности. — И когда мы это сделаем?

— Скоро, — пообещал я. — Очень скоро. Но сначала — Совет. Мы должны сообщить им о том, что мы узнали.

— И о том, что Ксавьер — не просто псих, а древняя угроза, — добавила она. — У него пять фрагментов. У него план. У него всё, кроме меня. Если я — ключ, то мы должны использовать это.

— Не как приманку, — твёрдо сказал я. — Как стратегическое преимущество.

— Разница есть?

— Есть. Приманка — это когда ты пассивна и ждёшь.

Стратегия — это когда ты контролируешь ситуацию. Я не позволю делать из тебя жертву.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то тёплое. Благодарность, возможно. Или даже — нет, слишком рано — любовь.

— Ладно, чешуйчатый, — сказала она, поднимаясь. — Идём. У нас Совет, доклад и куча проблем. Но одно я знаю точно.

— Что?

— Я не прощу тебе, если ты снова остановишься. Если ты остановиться, я сама на тебя наброшусь и у тебя не будет шансов.

Я усмехнулся.

— Не останавлиюсь. Но и торопиться не буду. Ты стоишь того, чтобы всё было правильно.

Она фыркнула и первой вышла из зала, оставив меня стоять посреди разбросанных хроник Меркурианов с глупой улыбкой на лице. Мой дракон внутри довольно урчал, предвкушая то, что должно было случиться. Скоро. Очень скоро.

Но сначала — разобраться с предателем, завершить охоту и сделать её моей. Навсегда. По закону. По любви. По праву истинной пары.

Глава 8. Клятва перед Советом

Глава 8. Клятва перед Советом

Рейнхарт

Зал Совета Двенадцати Родов никогда не был для меня местом покоя. Слишком много интриг, слишком много скрытых амбиций, слишком много старых обид, завёрнутых в вежливые фразы и дипломатические улыбки. Я знал здесь каждый камень, каждую трещину на мраморном полу, каждый оттенок магического света, льющийся сквозь витражи с гербами родов. Но сегодня этот зал казался мне чужим. Потому что сегодня я входил в него не как аналитик, не как дипломат, не как лорд вымирающего рода. Сегодня я входил в него как мужчина, который готов поставить на кон всё — репутацию, статус, жизнь, — ради одной-единственной женщины.

Лайра шла слева от меня. Она надела тёмно-серый облегающий костюм, который я никогда раньше не видел — явно из её личных запасов, не парадный, но чистый и строгий. Синие волосы были собраны в низкий пучок, но несколько прядей, как всегда, выбивались и падали на металлическую вязь скулы. Она выглядела как оперативник перед заданием.

Собранная. Серьёзная. Готовая к бою.

— Ты нервничаешь, — тихо сказала она, не поворачивая головы.

— Я не нервничаю. Я анализирую.

— Твоя чешуя говорит обратное.

Я бросил взгляд на свои руки. Действительно, на костяшках проступили аметистовые чешуйки. Я мысленно приказал им втянуться. Не помогло.

— Это реакция моего дракона, — признал я. — Он не любит, когда на его территорию заходят чужие.

— Я не чужая.

— Ты — нет. Но для них, — я кивнул на закрытые двери Совета, за которыми гудели голоса, — ты пока загадка. И мы оба знаем, как драконы относятся к загадкам.

— С подозрением?

— Со страхом. А страх они прячут за агрессией.

— Значит, стандартная дипломатическая операция, — усмехнулась она. — Я в таких работала. Правда, обычно с контрабандистами, а не с Верховными лордами.

— Принцип тот же. Главное — не показывать слабость.

— Слабость? — она приподняла бровь. — Ты меня вообще знаешь?

Я невольно улыбнулся. Да, эту женщину слабостью не заподозришь. Она пронесла свою броню через весь Нижний Сектор, через предательство наставника, через два столкновения с Ксавьером, и не сломалась. Не прогнулась. Не отступила. И всё же я видел то, что не видели другие: за бронёй скрывалось что-то хрупкое. Что-то, что она доверила только мне. И я не собирался предавать это доверие.

Двери Совета распахнулись.

Мы вошли.

Зал был полон. Все двенадцать родов — те, что остались, — прислали своих представителей. Нефритовые в зелёном, Рубиновые в алом, Изумрудные в тёмно-зелёном с серебром, Топазовые в золотисто-жёлтом, и остальные. Сапфировые, конечно, тоже были здесь — Кайдан сидел во главе стола,

и его сапфировые глаза встретились с моими. Рядом с ним, на почётном месте, сидела Адэль. Она держала на руках маленький свёрток — их дочь Серафину, — и вид у неё был такой, будто она готова одновременно укачивать младенца и возглавить военный совет. Чуть поодаль я заметил Валерию Флинт — она, как представитель Межмирового патруля, получила право присутствовать. Для защиты самой Лайры.

Я подвёл Лайру к центру зала, где обычно выступали просители и обвиняемые. Она встала рядом со мной, прямая как струна, и обвела взглядом собравшихся лордов. Ни капли страха. Только холодное, оценивающее внимание.

— Лорды и леди Совета Двенадцати, — начал я. — Благодарю вас за то, что собрались по моему зову. То, что я должен сообщить, касается не только Аметистового рода, но и всего драконьего мира.

— Мы уже слышали о твоей истинной, Рейнхарт, — прервал меня лорд Рубиновый, пожилой дракон с грубым, обветренным лицом. — Слухи летят быстрее драконьих крыльев. Ты привёл в Совет человека с меткой. Это уже прецедент. Что ты хочешь нам предъявить ещё?

— Не человека, — спокойно возразил я. — Дракона.

По залу прокатился шёпот. Лорд Рубиновый прищурился.

— Это человек. Я чую её ауру. Слабая, смешанная, но человеческая.

— Вы чувствуете блок, — сказал я. — Магический подавитель, имплантированный ей в младенчестве, чтобы скрыть её истинную природу. Под этим блоком, лорд Рубиновый, течёт кровь одного из древнейших родов. Кровь, которая считалась вымершей больше тысячи лет.

— Какого рода? — спросил лорд Нефритовый, подавшись вперёд.

Я сделал паузу. Обвёл взглядом зал. Все глаза были устремлены на нас.

— Меркурианов, — произнёс я громко, так, чтобы слышал каждый. — Ртутных драконов. Рода Лунар. Леди Лайра Вокс, моя истинная пара, — последняя чистокровная наследница Меркурианов.

Тишина, наступившая в зале, была такой глубокой, что я слышал, как тихо гудит магический светильник под потолком. А потом зал взорвался голосами.

— Меркурианы вымерли!

— Этого не может быть!

— Это провокация!

— Ртутные драконы были запрещены ещё до моего рождения!

— Тишина! — голос Кайдана разрезал шум, как сапфировый клинок. Он поднялся со своего места, и его аура — властная, холодная, — заставила всех замолчать. — Лорд Рейнхарт Аметистовый имеет слово. Я ручаюсь за его честность. Если он говорит, что эта женщина — Меркурианка, значит, у него есть доказательства.

— Доказательства есть, — подтвердил я. — Во-первых, записи из Великого Архива Нефритовых. Лорд Таэр, хранитель архива, подтвердит: генеалогическое древо Меркурианов не оборвалось. Последняя из них, леди Миранда Лунар, бежала в Арканис-Прайм и скрылась среди людей. Лайра — её прямой потомок.

— Записи можно подделать, — проворчал лорд Рубиновый.

— Во-вторых, — продолжил я, не обращая на него внимания, — вчера в бункере коллегии техномагов леди Вокс впервые использовала свою врождённую магию. Свидетелем был я. Ртутная магия — текучая, серебристая, способная сливаться с материей. Ни один другой род не обладает такой способностью. Лорд Таэр также подтвердит это по хроникам.

— Слова, — бросил кто-то из Ониксовых.

— В-третьих, — я повысил голос, — метка истинности. Она не появляется между драконом и человеком. Это закон крови. Метка на запястье леди Вокс и на моём — живое доказательство её драконьей природы.

Я поднял руку, показывая пульсирующую аметистово-серебряную вязь. Лайра, помедлив мгновение, сделала то же самое.

Зал снова зашумел, но уже тише.

— Меркурианы были запрещены, — произнёс лорд Изумрудный, до этого молчавший. — Их магия считалась опасной. Совет Двенадцати объявил их вне закона.

— Совет Двенадцати, — перебила его Адэль, — двадцать два года назад объявил Золотых вымершими. Но я стою пе-

ред вами живая. Времена меняются. Законы, принятые из страха, должны быть пересмотрены.

Она говорила спокойно, но в её голосе звенела сталь. Маленькая Серафина на её руках завожилась и что-то пролепетала, совершенно не интересуясь политическими дебатами. Несколько лордов невольно улыбнулись.

— Я поддерживаю леди Адэль, — сказал Кайдан. — Закон, запрещающий целый род, — это не справедливость, а трусость. Мы уже видели, к чему приводит страх перед инаковостью. Теневые драконы уничтожили Золотых при попустительстве Совета. Мы не повторим эту ошибку.

— Сапфиновые всегда поддерживают тебя, Рейнхарт, — проворчал лорд Рубиновый. — Это не новость.

— Сапфиновые поддерживают правду, — возразил Кайдан. — И если Меркурианы действительно вернулись, мы должны не бояться их, а понять.

— Мы должны также понять, какую угрозу они представляют, — добавил лорд Обсидиан Ониксовый. — Прошу прощения, леди, — кивнул он Лайре, — но история вашего рода... сложна.

— Я знаю историю моего рода, — впервые за всё время заговорила Лайра. Её голос был ровным, но я чувствовал через метку, как внутри неё закипает ярость. — Я знаю, что моих предков уничтожали веками. Не потому что они были опасны. А потому что их боялись. Потому что их способность сливаться с материей и технологией делала их сильнее. Я не собираюсь мстить за старые обиды. Я здесь, чтобы остановить человека, который хочет использовать мою силу для уничтожения миров.

— Какого человека? — спросил лорд Нефритовый.

— Ксавьера Нексуса, — ответил я. — Техномага, бывшего наставника леди Вокс. Он похитил все пять фрагментов «Потерянного Кода» — древней формулы, способной слить магию и технологию в единое целое. Для завершения ритуала ему нужна живая ртутная драконица. Лайра.

— «Потерянный Код»? — лорд Нефритовый побледнел. — Никто не знает, работает ли она.

— Ксавьер знает, — мрачно сказала Лайра. — Он посвятил жизнь её изучению. И он близок к завершению.

— Где он сейчас? — спросил Кайдан.

В этот момент двери Совета распахнулись, и в зал быстрым шагом вошёл посыльный — молодой полуэльф в форме Межмирового патруля, запыхавшийся и явно бежавший от самого портала. Валерия Флинт вскочила со своего места.

— Срочное сообщение! — выпалил посыльный, протягивая ей голографический планшет. — Из Излома. Зафиксирована аномальная активность. Энергетический всплеск, соответствующий сигнатуре Нексуса. Он начал ритуал.

Зал взорвался голосами. Я переглянулся с Лайрой. Излом — нейтральная зона, где магия нестабильна и пространство трескается. Идеальное место для запретных экспериментов. Ксавьер выбрал его не случайно: там за ним никто не проследит.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

— Судя по уровню энергии, — Валерия быстро пробежалась по данным, — до завершения ритуала — сутки. Может, меньше.

— Мы должны выступить немедленно, — сказала Лайра. — Если он закончит «Сингулярность»...

— Мы не можем выступить немедленно, — перебил я и

повернулся к Совету. — Лорды и леди! Ксавьер Нексус представляет угрозу не только для драконьего мира, но и для всех миров Межмирового Содружества. «Сингулярность» — это не просто оружие. Это стирание границ между магией и технологией. Если он запустит её, последствия будут катастрофическими. Я прошу Совет выделить войска для захвата Излома.

— Ты же понимаешь, что Излом — нейтральная территория? — спросил лорд Нефритовый. — Вторжение туда может быть расценено как агрессия.

— А уничтожение миров — как преступление, — парировал я. — Мы не можем ждать, пока Ксавьер завершит ритуал.

— Сапфировый род поддержит вас, — твёрдо сказал Кайдан. — Мои гвардейцы будут готовы к утру.

— Изумрудные — тоже, — неожиданно произнёс лорд Изумрудный. Он посмотрел на Лайру, и в его глазах что-то мелькнуло. — Моя жена когда-то отдала жизнь, чтобы спасти Золотую принцессу от истребления. Я не позволю, чтобы ещё один род был уничтожен из-за страха и бездействия.

Лайра медленно кивнула ему. Я знал, что она вспомнила

историю Адэль. Изумрудные были союзниками.

— Рубиновые — подумают, — проворчал лорд Рубиновый. — Но я не пошлю своих людей в бой без чёткого плана.

— План будет, — заверил я. — Но сейчас есть ещё один вопрос. Неотложный.

Я повернулся к Лайре и встретил её взгляд. Она поняла без слов.

— Брак, — сказал я, и в зале снова воцарилась тишина. — Мы должны завершить ритуал истинной пары до того, как вступим в бой.

— Сейчас?! — не выдержала Валерия. — У нас сутки до конца света, а вы хотите устроить свадьбу?

— Не свадьбу, — поправил я. — Ритуал. Короткий, без церемоний, без пиров. Только клятвы перед магией. Этого достаточно, чтобы скрепить метку и пробудить драконицу Лайры окончательно.

— Он прав, — неожиданно поддержала меня Адэль. Она встала, передав Серафину Кайдану (тот принял дочь с таким видом, будто это была драгоценная ваза). — Когда мы с

Кайданом заключили брак, метка стабилизировалась, а моя драконица пробудилась полностью. До этого я могла использовать магию только спонтанно. Чтобы контролировать её в бою, нужна полная связь.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнесла Лайра, — что мы должны пожениться прямо здесь? Сейчас?

— Прямо здесь. Сейчас. — Адэль улыбнулась. — А потом, когда всё закончится, — обязательно нормальная церемония. С платьем, цветами, музыкой и кучей гостей. Иначе я тебе этого не прощу, Рейнхарт. Я уже планирую быть подружкой жениха

— Не понял, Я не давал согласия — пробормотал я.

— А тебя никто не спрашивает, — отрезала Адэль.

Кайдан, всё ещё державший младенца, тихо рассмеялся.

— Привыкай, Рейнхарт. Мы с тобой теперь будем оба женаты на женщинах, которые не спрашивают разрешения.

— Я заметил.

Лайра смотрела на меня. В её серых глазах — с серебри-

стым отливом, который теперь появлялся всё чаще, — я видел целую бурю эмоций. Страх? Нет, не страх. Волнение. И — глубоко-глубоко — что-то похожее на надежду.

— Ты уверен? — тихо спросила она. — Это не просто тактический ход. Это навсегда. Метка, скреплённая браком, неразрывна. Я стану твоей женой по всем законам — драконьим, человеческим, магическим.

— Я уверен, — ответил я. — Я был уверен с первой минуты. С той секунды, как ты назвала меня «заносчивым фиолетовым ящером».

Она фыркнула.

— Я такого не говорила.

— Говорила. Может, не вслух, но я прочитал по глазам.

— Ты не умеешь читать по глазам.

— Я умею чувствовать. И у меня отличный нюх.

По залу прокатилась смешливая волна. Кто-то из младших лордов хихикнул, но тут же осёкся под взглядом Кайдана.

— Итак, — возвысил голос лорд Нефритовый. — Есть ли среди присутствующих те, кто возражает против этого союза?

Никто не возразил. Даже лорд Рубиновый промолчал. Даже Ониксовые, которые обычно придирались к каждой запятой. Может быть, потому что понимали: это не просто брак. Это восстановление исторической справедливости. Это возвращение утраченного рода. Это шаг к тому, чтобы драконий мир перестал бояться самого себя.

— Тогда, — лорд Нефритовый поднялся, — я, как старейшина Совета, имею право провести ритуал.

— Прямо сейчас? — уточнила Лайра.

— Прямо сейчас. Встаньте лицом друг к другу.

Мы встали. Я взял её руки в свои. Ладони у неё были чуть шершавые от постоянной работы с инструментами, но тёплые. Родные.

— Повторяйте за мной, — сказал лорд Нефритовый. — «Я, Рейнхарт Аметистовый, Верховный лорд Аметистового рода...»

— Я, Рейнхарт Аметистовый, Верховный лорд Аметистового рода, — повторил я, глядя ей в глаза.

— «...перед лицом Совета Двенадцати и магии крови беру тебя, Лайра Вокс, в жёны. Обещаю защищать тебя, уважать тебя и делить с тобой всё, что пошлёт нам судьба. Отныне и навеки ты — моя истинная, моя пара, моя любовь».

Я повторил каждое слово. И каждое из них было правдой.

— Теперь ты, — кивнул лорд Нефритовый Лайре.

Она набрала воздуха и произнесла — чётко, громко, не отводя взгляда:

— Я, Лайра Вокс, последняя из рода Меркурианов, перед лицом Совета Двенадцати и магии крови беру тебя, Рейнхарта Аметистового, в мужья. Обещаю защищать тебя, уважать тебя и делить с тобой всё, что пошлёт нам судьба. Отныне и навеки ты — мой истинный, мой пара, мой... — она запнулась. — ...мой фиолетовый чешуйчатый зануда.

Адэль захохотала в голос, Кайдан улыбался, даже лорд Нефритовый, кажется, прятал улыбку в бороде.

— «И мой фиолетовый чешуйчатый зануда», — невозможно повторила Лайра. — Что, так не канонично?

— Вполне канонично, — ответил лорд Нефритовый. — Я за три тысячи лет слышал клятвы и похуже.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказал он. — Метка скреплена. Союз нерушим.

В тот же миг метка на моём запястье вспыхнула с такой силой, что зал на мгновение озарился фиолетово-серебряным светом. Я почувствовал, как волна магии проходит сквозь меня — горячая, но не обжигающая, — и вливается в Лайру. Её драконица, которая до этого дремала, свернувшись где-то в глубине её существа, вдруг расправила крылья. Я услышал это — не ушами, а через связь. Тихий, торжествующий рёв. Драконица пробудилась.

Глаза Лайры засияли ярким, чистым серебром. Чешуя — не та, что проступала раньше отдельными пятнами, а настоящая, плотная, ртутная — пробежала волной по её рукам и скулам. Она не обратилась полностью, но я знал: теперь она сможет сделать это в любой момент. Блок был снят.

— Я чувствую её, — прошептала она. — По-настоящему. Она... огромная.

— Я знаю, — ответил я и, забыв обо всех, кто был в зале, привлёк её к себе и поцеловал.

На этот раз поцелуй был иным. Не просто животная страсть. В нём было что-то большее. Завершённость. Принадлежность. Обещание.

— Ладно-ладно, — раздался голос Адэль. — Целоваться будете позже.

— Ты сама сказала, что должна быть нормальная церемония, — напомнил я, отстраняясь от Лайры.

— Будет, — твёрдо сказала Адэль. — С платьем, с цветами, с кучей гостей и с фейерверком. Я лично прослежу. А сейчас — действуйте.

— Сапфировые гвардейцы будут готовы к рассвету, — добавил Кайдан. — Изумрудные — тоже, как я понимаю?

Лорд Изумрудный кивнул.

— Отлично, — Лайра снова стала деловой. — Мы с Рейнхартом выступаем первыми, как авангард, чтобы оценить обстановку в Изломе. Основные силы — следом. Задача: ней-

трализовать Ксавьера до того, как он завершит ритуал. Пятый фрагмент Кода должен быть изъят. Если не получится изъять — уничтожен.

— Согласен, — сказал Кайдан. — Рейнхарт, у тебя есть план?

— План есть всегда, — ответил я, хотя на самом деле плана ещё не было. Но за оставшиеся часы до рассвета я намеревался его разработать. Вместе с Лайрой. Вместе с моей женой.

Мы вышли из зала, провожаемые взглядами всех двенадцати родов. В коридоре Лайра остановилась и посмотрела на меня.

— Жена, — произнесла она, пробуя слово на вкус.

— Муж, — отозвался я.

— Фанатик психопат, который хочет уничтожить мир.

— Излом, который завтра станет полем боя.

— Отличный медовый месяц.

— Лучший в моей жизни.

Она тихо рассмеялась и взяла меня за руку. Её метка пульсировала в такт моей. Завтра нам предстояло сражение. Но сейчас, в этот короткий миг тишины, я был счастлив. По-настоящему счастлив.

— Идём, — сказала она. — До рассвета нужно успеть подготовиться.

— И поесть, — добавил я. — Ты не ела со вчерашнего дня.

— Ты следишь за моим питанием?

— Я твой муж. Это моя обязанность.

— Как быстро ты привык к этой роли. У нас будет долгий разговор о распределении обязанностей.

— Обязательно. Но сначала — ужин.

Она фыркнула и первой двинулась по коридору. Я смотрел ей вслед — на эту невозможную, колючую, невероятную женщину, которая только что стала моей женой, — и думал, что теперь у меня есть не только долг, не только честь, не только родовая ответственность. Теперь у меня есть ради ко-

го жить. И ради кого умирать.

Завтра в Изломе мы поставим точку в этой истории. Но сегодня у нас есть ночь. И я намеревался использовать её так, чтобы она запомнилась нам обоим.

Глава 9. Жидкое серебро (начало)

Глава 9. Жидкое серебро

Лайра

Дверь в наши покои закрылась за спиной с мягким щелчком, и я вдруг поняла, что понятия не имею, что делать дальше.

Нет, технически я знала. Я была взрослой женщиной, у меня были отношения — немного, но достаточно, чтобы понимать механику процесса. Но это... это было другое. Это был мой муж. Мой истинный. Мой дракон, который стоял сейчас в двух шагах от меня, глядя фиолетовыми глазами с такой смесью голода и нежности, что у меня подкашивались колени.

— Ты нервничаешь, — произнёс он. Не спросил — констатировал.

— Я не нервничаю. Я анализирую.

— Твоя чешуя говорит обратное.

Я опустила взгляд на руки. На предплечьях действительно проступали серебристые чешуйки, мерцающие в мягком свете магических ламп. Моя драконица — та, что только сегодня пробудилась полностью благодаря брачному ритуалу, — ворочалась внутри меня, как огромная кошка, и тихо, довольно урчала. Она знала, что сейчас будет. И она этого хотела.

— Ладно, — признала я. — Немного нервничаю. Но не из-за того, о чём ты думаешь.

— А из-за чего?

— Из-за того, что я не знаю, как... — я замялась. — Как быть женой. Как быть драконицей. Как быть всем этим одновременно. Я всю жизнь была тем, кто держит всё в узде. А сейчас... — я посмотрела на него, на его красивое лицо с проступающей на скулах чешуёй, на его плечи, на руки, которые сжимались в кулаки, сдерживая нетерпение, — сейчас я чувствую, что контроль уходит. И это... странно.

Он шагнул ко мне. Медленно, плавно, как хищник. Его рука поднялась и коснулась моей щеки. Пальцы были горячими — у драконов всегда горячие пальцы, — и от этого прикосновения по телу пробежала дрожь.

— Ты не обязана ничего контролировать, — тихо сказал он. — Не сегодня. Не здесь. Здесь ты в безопасности. Здесь ты — просто Лайра. Моя Лайра.

— Я не чья-то, — привычно ответила я.

— Ты моя, — повторил он. — Так же, как я — твой. Это не владение. Это... равенство. Партнёрство. Союз.

— Я помню, что говорила на Совете. Не надо повторять мои же слова.

— Я не повторяю. Я подтверждаю.

Он наклонился и поцеловал меня. Поцелуй был мягким, изучающим, почти вопросительным. Его губы скользнули по моим, пробуя, спрашивая разрешения, и я ответила — подалась вперёд, приоткрыла рот, впустила его.

Мир сузился до этой точки. До его вкуса — вина, которое мы пили за ужином. До его запаха — лаванды, старых книг и аметистовой магии. До его рук, которые легли на мою талию и притянули меня ближе.

Я не знала, сколько мы стояли так, целуясь. Время потеряло смысл. Но в какой-то момент я почувствовала, как внут-

ри меня поднимается что-то горячее, дикое, нетерпеливое. Моя драконица. Она хотела его так, что у меня перехватывало дыхание.

Я отстранилась. Тяжело дыша.

— Подожди, — сказала я.

— Что-то не так? — его глаза были затуманены, чешуя на скулах сияла ярче обычного, дыхание сбилось.

— Всё так. Просто... — я облизала пересохшие губы. — У меня есть идея.

— Идея?

Я отступила на шаг и сосредоточилась. Моя драконица внутри меня вострепелась, готовая помочь. Ртутная магия — текучая, холодная, послушная — потекла по венам, и я почувствовала, как кончики пальцев начинают светиться серебристым светом.

— Ты знаешь, что я могу делать с материей, — сказала я, и мой голос прозвучал ниже, с рычащими нотками. — Преображать одно в другое. Придавать форму.

— Знаю, — его голос тоже изменился. Стал глубже. Опаснее. — И что ты хочешь сделать?

— Я хочу поиграть.

Глава 9. Жидкое серебро (окончание)

Я вытянула руку, и из моих пальцев потёк жидкий металл. Ртуть — моя ртуть, часть меня, — собиралась в ладони, переливалась, принимала форму. Через несколько секунд в моей руке лежали наручники. Не грубые, не полицейские — изящные, словно сотканные из жидкого серебра, с мягкими кожаными вставками на запястьях.

Рейнхарт посмотрел на них, потом на меня. Его зрачки расширились. Чешуя на плечах проступила волной.

— Ты хочешь надеть это на меня? — спросил он хрипло.

— А ты позволишь?

Он помолчал. Потом медленно, очень медленно улыбнулся. Это была та самая хищная улыбка от которой у меня всегда подгибались колени.

— Ты — моя истинная, — тихо сказал он. — Моя жена. Моя. Ты може

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.